

ГЛАВА IX.

Желательное, для блага России, устройство Правительства.

Ходъ событій въ началѣ 1905 года. Исходныи мои положенія. Логическое и историческое раздѣленіе правительстvenныхъ отиравлений (функций): 1) личная или первичная: законодательство, администрація и судъ и 2) общественная (соціальная) или вторичная: обеспеченіе внѣшнихъ отношеній, заботы о просвѣщеніи и устройство экономического быта жителей. Для первѣйшей надобности России.

Мои „Завѣтныя мысли“ съ самаго начала, относящагося къ 1903 г., назначались для изложенія личныхъ возрѣній на неизбѣжность многихъ преобразованій въ устройствѣ внутренняго быта России, преимущественно въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, многихъ видовъ промышленности и управления, но сперва я полагалъ — да такъ и подготовлялъ материалы — говорить только о трехъ указанныхъ предметахъ, однако ближе обсудивъ ихъ, счель полезнымъ ранѣе всего написать первыи вступительныи главы и заключить изложеніе передачею исходныхъ своихъ началь, на которыхъ остановился, чтобы этими добавленіями достичь болѣе полнаго выясненія совокупности накопившихся у меня мыслей. Окончивъ предшествующую (главу въ октябрѣ 1904 г.¹), я пріостановился не вслѣдствіе трудности и, такъ сказать, деликатности предмета предстоявшей главы, а только по той причинѣ, что всѣ мои свободныи минуты тогда необходимо было отдать другимъ предметамъ²). Скоро однако присо-

¹) Она тогда же была набрана, а листъ 21-й, т. е. главная ея часть, былъ тогда же и отпечатанъ въ томъ видѣ, въ которомъ нынѣ является.

²) Сперва и болѣе всего — даже до сего времени — миѣ пришлось много силъ вложить въ подготовку новаго (8-го) изданія моихъ „Основъ“

единилось къ этой еще три новыхъ причины, задержавшихъ окончательную подготовку предлагаемой главы. Первою на то причину были внезапныя наши неудачи въ Манчжуріи и на Тихомъ Океанѣ, такъ какъ они требовали своего объясненія и по внѣшней видимости находились въ связи съ недостатками правительственныхъ учрежденій, хотя проще всего объясняются численнымъ перевесомъ, опредѣляемымъ близкотою полей битвы къ Японіи и громаднымъ ихъ отдаленіемъ отъ центровъ русской населенности¹⁾. Болѣе важна вторая причина—безпорядки, начавшиеся 9 января и потомъ разросшіеся не столько до тревожныхъ размѣронъ, сколько до раздраженного состоянія умовъ, устраняющаго условія

Химії⁴, а потомъ отдавшися вопросу о способахъ новаго, возможно точнаго, определенія въ Главной Палатѣ жѣртвъ и вѣсовъ напряженія тяжести. Наброски предлагаемой здѣсь главы (IX), въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вынѣ являются, сдѣланы были мною еще въ 1903 году. Кое что, конечно, теперь добавлено, но суть осталась та же во всѣхъ отношеніяхъ.

⁴⁾ Хотя обсудить до конца всеѣ событий манчжурской войны, конечно, еще рано, но все же, при желаніи быть яснымъ и откровеннымъ до конца, мнѣ ненольно хочется указать на то, что осторожномедлительный образъ дѣйствій А. Н. Куропаткина былъ вѣрнымъ и всѣ дальнѣйшія события правильность его совершиенно подтверждаютъ. До скопленія нашихъ силъ въ надлежащемъ количествѣ и до наступленія явныхъ слѣдовъ ослабленія противника лучше всего было дѣйствовать именно такъ, какъ велъ дѣло А. Н. Куропаткинъ. Его преемникъ удержалъ сѣ долинамъ благоразуміемъ ту же систему и если Портсмутскій договоръ вышелъ усыпышемъ, а главное свое времененное, то первую причину этого должно искать въ А. Н. Куропаткинѣ. Если бы задорная спѣшилость, опредѣлившая посылку флота, лишеннаго опыта и береговой поддержки, не была вызвана состояніемъ умовъ, можно было бы ждать еще и не такого мира, а криклиян и сгѣшиливая задорность, ничѣмъ существенно не вызываемая, очевидно вела свое начало отъ тѣхъ же неуравновѣшенныхъ головъ, которые старались изо всѣхъ силъ представить все русское отношеніе къ Японской войнѣ въ ложномъ свѣтѣ, и падо только Бога благодарить за то, что Леневичъ придержался, по существу, началь А. Н. Куропаткина. Полагаю, съ своей стороны, что начала эти одобрила бы преобладающая масса русского народа, если бы ее было возможно въ дѣйствительности спросить „общую, прямую и тайшую“ подачею голосовъ, а посылку эскадры не допустила бы. Думаю, что у этой преобладающей массы довольно не только терпѣливой выносливости, но и осторожного благоразумія. Иными мыслями я слушать готовъ, но готовъ также точно свободно сказать и свое посильное мнѣніе.

спокойного суждения, а все мои мысли назначаются исключительно для уравновешенного, спокойного и постепеновского состояния общего внимания. Мне показалось невозможным и совсемъ бесполезнымъ говорить въ такое неспокойное время, какое представляла вся первая половина текущаго года, а потому я не только простоявъ изданіе, но и прекратилъ писаніе „Завѣтныхъ мыслей“. Третьимъ обстоятельствомъ, повлиявшимъ на такую мою рѣшиимость, были Высочайшія распоряженія начала 1905 года, потому что они давали надежду именно на такія постепенные измѣненія въ строѣ управлениія, о которыхъ слѣдовало говорить при продолженіи „Завѣтныхъ мыслей“, но было вовсе неясно, что, когда и въ какой послѣдовательности будетъ осуществляться, и мнѣ лучше было подождать, потому что *post factum* говорить о желаемомъ—неумѣстно и несвоевременно.

Но вотъ настали 6-е и 16-е августа: объявлено близкое собраніе Государственной Думы, чтобы услыхать голосъ народа, и подписанъ Портсмутскій миръ, т. е. приспѣло время не спѣша, безъ давленія внѣшнихъ отношеній, обдуманно отнестись къ насущнѣйшимъ вопросамъ внутренняго строя. Тогда я поспѣшилъ возвратиться къ прерванной работе, потому что трудно дождаться лучшей, чѣмъ теперь, поры для выраженія личныхъ мыслей, относящихся къ желательнымъ измѣненіямъ правительства строя. Однако, для ясности и сокращенія времени какъ своего личнаго, такъ и тѣхъ, вѣроятно немногихъ, болѣе или менѣе лично меня уже знающихъ, которые прочтуть написанное, ранѣе чѣмъ говорить о нѣкоторыхъ частностяхъ и о связывающихъ эти частности мысляхъ, считаю полезнымъ вступно и отрывочно—безъ излишнихъ здѣсь доказательствъ—во-первыхъ, выразить исходныя мысли, касающіяся Правительства вообще и русскаго въ особенности, а во-вторыхъ, высказать основные современные пожеланія, вытекающія изъ ряда сложившихся у меня мыслей о нашемъ правительственномъ и общественномъ строѣ.

Современные склады правительствъ, будь они монархическіе или республиканскіе, тождественны какъ по отношенію невозможности достиженія общаго блага безъ сочетанія началь разумности съ общей народной волею и съ

добрими сношеними съ другими странами, такъ и въ отношеніи того, что между верховною властю и гражданами во всякомъ случаѣ неизбѣжно становятся въ промежуткѣ выборные или лично назначаемые чиновники, т. е. посредники-исполнители, изъ тѣхъ же гражданъ взятые, въ которыхъ, по ихъ многочисленности, всесильно дѣйствуетъ общий духъ народа и отъ которыхъ чрезвычайно много зависитъ всѣ успѣхи государственные. Это давно кратко выражено изречениемъ: „всякий народъ достоинъ своего правительства“.

Всѣ виды и формы прогресса и всякихъ государственныхъ улучшений (равно какъ и ухудшений) не только мыслимы, но и осуществлялись какъ при монархическомъ, такъ и при республиканскомъ складахъ.

Тотъ и другой изъ указанныхъ государственныхъ складовъ живутъ и понимаются издревле и выборъ между ними опредѣляется всею народною исторіею, не по случайнымъ ея обстоятельствамъ, а по всей совокупности условій народа и страны.

Единеніе и объединеніе Россіи, ея просвѣщеніе духовное и умственное, ея силы вѣнчнія и внутреннія и даже ея зачатки промышленного и прогрессивного строя столь влиятельно опредѣлились Монархами, что не только теперь, но и въ предвидимомъ будущемъ Россія была и будетъ монархической страною, хотя части Россіи республики когда-то попробовали.

Развитіе „блага народнаго“, опредѣляясь мѣрою роста и общностію распространенія нравственныхъ началь и вѣнчняго благосостоянія, зависитъ очень сильно не только отъ правъ гражданъ, но и отъ ихъ обязанностей, опредѣляемыхъ уображеніями, обычаями и законами.

На всеобщіе вопросы о томъ, какія изъ правительственныйъ формъ въ настоящее время всего настоятельнѣе измѣнить для дальнѣйшаго ¹⁾ развитія народнаго блага Россіи, съ своей стороны, рѣшаюсь — ясности ради — дать слѣдующіе краткіе отвѣты, отчасти далѣе развиваюшіе:

¹⁾ О томъ, что благосостояніе русскаго народа за послѣднюю четверть вѣка несомнѣнно возросло, хотя и не въ той жѣрѣ, какъ можно возрасти, причемъ отчасти измѣнилось въ распределеніи, сказано мною, лумаю достаточно убѣдительно, на стр. 224.

Желательно, чтобы нынѣ призванная Монархомъ Государственная Дума, составленная изъ выбранныхъ народомъ неслужилыхъ людей, уразумѣла прежде всего, что ей дано вѣсма важное право законодательной инициативы, еще не данное Государственному Совѣту, что законами опредѣляются не только права, но и обязанности гражданъ и не только обязанности, но и права исполнителей, т. е. чиновниковъ (выборныхъ или коронныхъ), и что прежде чѣмъ требовать что-либо отъ другихъ, непремѣнно надобно оглянуться на себя самихъ и подать личный примѣръ: порядка, трудолюбія, немногоглаголанія, снисходительности, дѣловитой разумности и постепеновской послѣдовательности.

Желательно, чтобы освѣженный Государственный Совѣтъ получилъ право законодательныхъ начинаній (инициативы), до нынѣ исключительно принадлежащее — помимо Монарха — только Министрамъ, и чтобы предложенные и обсужденные въ Государственномъ Совѣтѣ новые законы разсматривались, ранѣе поступленія на Монаршес благованіе, въ Государственной Думѣ и обратно, дабы возбудилось своего рода равенство и соревнованіе ко благу народному между двумя высшими совѣщательными законодательными учрежденіями.

Желательно, чтобы назначаемый Монархомъ Канцлеръ (или первый министръ, или предсѣдатель Комитета Министровъ) подбиралъ себѣ Министровъ и Главноуправляющихъ, Монархомъ утверждаемыхъ, дабы образовалось цѣльное министерство и прекратились бы волокита и непостѣдовательность, зависящія отъ разнорѣчій и пререканій Министерствъ.

Желательно, чтобы, вмѣсто Совѣтовъ при отдѣльныхъ Министрахъ, былъ учрежденъ общій совѣщательный Совѣтъ при Канцлерѣ или Комитетѣ Министровъ, чтобы въ этомъ совѣтѣ приняли участіе представители науки и Сената, избираемые на опредѣленные сроки, и чтобы чрезъ этотъ Совѣтъ проходили всѣ законопочинанія Министровъ и государственные смыты. Совѣтъ этотъ можетъ улучшить и объединить всю администрацію.

Желательно, чтобы при Комитетѣ Министровъ состоялъ Главный Статистический Комитетъ, на обязанности кото-раго, сверхъ общихъ народныхъ переписей, должно возложить составленіе и публикацію своевременныхъ ежегодныхъ

отчетовъ о государственныхъ приходахъ и расходахъ, о ходѣ народнаго образованія, о состояніи путей сообщенія, торговли внутренней и вѣшней и видовъ промышленности: сельскохозяйственной, горной, ремесленно-фабрично-заводской и торговой, потому что это пульсы страны.

Желательно, чтобы независимо отъ Министерствъ Финансовъ, Путей Сообщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и др. для изученія, содѣйствія и всякой помощи при организаціи видовъ добывающей (сельское хозяйство, лѣсоводство, рыболовство, горное дѣло и т. п.), обрабатывающей (кустарной, ремесленной, фабричной и заводской), торговой (крупной и мелкой, перевозочной, водоходной) и всякой иной (строительной-подрядной, типографской, издательской и т. п.) производительной и посреднической частной промышленности было учреждено особое Министерство Промышленности, такъ какъ благосостояніе народное опредѣляется въ сильнѣйшей мѣрѣ успѣшнымъ развитіемъ этихъ видовъ частной трудовой дѣятельности и предпріимчивости. Желательно при этомъ, чтобы начинающимся и особенно кооперативнымъ (артельнымъ) предпріятіямъ было оказываемо исключительное вниманіе и всякие съ нихъ налоги уменьшаемы — ради ихъ усиленного возникновенія.

Желательно, чтобы основаніемъ государственныхъ доходовъ служили первѣе всего косвенные обложенія предметовъ не первой необходимости: спиртныхъ напитковъ, табака, сахара, чая и т. п. (но не продуктовъ нефти и др. видовъ горнаго дѣла), таможенные сборы, прогрессивный налогъ на денежные (акціонерные и т. п.) капиталы (но не подоходный налогъ), чистые доходы казенныхъ имуществъ и предпріятій, прогрессивные налоги на наследства, на квартиры и жилища, на залоги, контракты, счеты и промышленно-торговые предпріятія, а въ ихъ числѣ и на казенные. Уплаты же, нынѣ производимыя за отправку писемъ и телеграммъ, за межевые измѣренія, за обученіе, за повѣрку мѣръ и вѣсовъ и т. п., не будучи отяготительными, желательно по возможности сохранить, но обращать преимущественно на улучшеніе соотѣственныхъ и близкихъ дѣлъ.

Желательно, чтобы въ первой же сессіи Государственной Думы были обсуждены способы достижениія возможной самостоятельности мѣстнаго управлениія и мѣры участія въ

этомъ земствъ, чтобы согласить особенности отдѣльныхъ частей Имперіи съ ея общею цѣлостю и единствомъ.

Желательно, чтобы Россія вновь, прочнѣйшимъ образомъ, заключила тѣснѣйшій политическій, таможенный и всякой иной союзъ съ Китаемъ, потому что онъ явно просыпается ¹⁾, а въ немъ 430 милл. народа и онъ имѣетъ всѣ задатки очень быстро, на подобіе самой Россіи, стать могущественнѣйшею міровою державою. Условія, существующія сейчасъ, этотъ союзъ допускаютъ и дѣлаютъ возможнымъ — пока иныя страны не предупредили. Онъ составить вліятельнѣйший противовѣсь недавно возобновленному союзу Англіи съ Японіей. У этихъ странъ много сходнаго, но у насъ съ Китаемъ, особенно когда онъ возродится, близость всякаго рода, начиная съ миролюбія и громаднаго протяженія границъ, — еще больше, да и заднихъ мыслей менѣе. Свое Смутное Время, которое можетъ настать въ Китаѣ, какъ было въ Россіи, заключить этотъ союзъ не помѣшаетъ, если его совершиТЬ съ ясною мыслію о благѣ и прогрессѣ обѣихъ странъ. Никакой иной союзъ не можетъ быть современно болѣе важенъ, не можетъ укротить въ корнѣ „желтую“ опасность и не обеспечить будущій миръ во всемъ мірѣ. Въ союзѣ съ Франціей и съ Китаемъ Россія можетъ спокойно ждать предстоящихъ событій XX вѣка.

Желательно, наконецъ, но этого нельзя выразить ни въ какомъ единичномъ мѣропріятіи, а должно постичь разумомъ и сердцемъ и немедля прилагать ко всѣмъ безъ изъятія правительственнымъ мѣрамъ и къ частнымъ или личнымъ дѣйствіямъ всѣхъ нась, потому что въ этомъ, что бы кто ни говорилъ, вся суть дѣла, именно желательно, чтобы русскій народъ, включая въ него конечно и всю интеллигенцію страны, свое трудолюбіе умножилъ для разработки природныхъ запасовъ богатой своей страны, не вдаваясь въ политианство, завѣщанное латинствомъ, его, какъ и евреевъ, сгубившее и въ наше время подходящее лишь для народовъ, уже успѣвшихъ скопить достатки, во много разъ превосходящіе среднія скучные средства, скопленныя русскими. Прочно и плодотворно только приобрѣтенное своимъ трудомъ. Ему

¹⁾ Отмѣна пресловутыхъ испытаній въ знаніи старообрядской премудрости — уже совершена въ августѣ текущаго года. Это явное начало коренного внутренняго переворота въ Китаѣ.

одному честь, поле дѣйствія и все будущее. Законодатели много, даже болѣе всего, сдѣлаютъ благо для страны, если примутъ мѣры, поощряющія труды всякаго рода, если трудолюбію помогутъ болѣе чѣмъ породѣ и достатку — даже таланту, и если отнесутся къ трудолюбцамъ благосклоннѣе, чѣмъ къ небокопителямъ, дармоѣдамъ и хулиганамъ. Ахъ, какъ это мало еще понимаютъ!

Само собою разумѣется, что въ числѣ моихъ завѣтныхъ мыслей остается еще цѣлая куча иныхъ желаній, относящихся къ правительству складу Россіи; часть ихъ видна изъ того, что излагается далѣе, но перечисленными пожеланіями очерчивается то, что наиболѣе легко достижимо, настоящийнѣе, по моему мнѣнію, многаго иного и что должно за собой повлечь очевидная и неизбѣжная благія послѣдствія всевозможнаго рода. А такъ какъ оголенные мысли, какими многимъ должны показаться изложенія выше, весьма легко подлежатъ кривотолку, особенно предвзятыму (до которого мнѣ, признаюсь, очень мало дѣла), и могутъ представляться оторванными отъ исторіи (а этого то мнѣ, признаюсь, очень нежелательно допустить), то я постараюсь, однако опять со всемъ возможною краткостію, передать имѣющуюся во мнѣ нить понятій, какъ о правительственноомъ складѣ вообще, такъ и о современныхъ русскихъ потребностяхъ въ исправлениіи этого склада, ни на минуту не забывая, что мое изложеніе составляетъ лишь долю моихъ постепеновскихъ „Завѣтныхъ мыслей“, а не что либо въ родѣ программы или политиканствующей „платформы“. Къ этому и перейду.

Межу сложною совокупностію правительственныхъ управлений (функций), по мнѣ, должно явно отличить два разряда, которые, условно, буду далѣе называть: первичными и вторичными, потому что послѣдніе всегда являлись, да и должны были являться, не иначе, какъ лишь вслѣдъ за исходными, начальными или — первичными функциями правительства.

Въ числѣ первичныхъ всегда отличаются: законодательство, администрацію (исполнительную власть) и судъ. Послѣдній касается только того, что сдѣлано въ прошломъ времени, тогда какъ администрація относится къ настоящему

времени дѣйствій, а законодательство лишь къ будущему, и въ этомъ смыслѣ обще-признанное дѣленіе, по видимости, исчерпываетъ всѣ возможныя отношенія Правительства къ дѣйствіямъ гражданъ или подданныхъ. Но эти послѣдніе взяты здѣсь въ отдѣльности, въ томъ самомъ первичномъ видѣ, въ какомъ первоначально является всякое обладаніе или подчиненное отношеніе однихъ лицъ къ другимъ. Функции правительства чисто варварскихъ ограничиваются только этими: судомъ, администрациею и законодательствомъ, причемъ администрація состоитъ преимущественно въ исполненіи приговоровъ суда и въ наблюденіи за постановленіями законодательства и, по этой самой причинѣ, сама болѣе или менѣе судить и приказываетъ.

Усложняющія или вторичная отправленія правительства обыкновенно являются лишь вслѣдъ за первичными и повсюду ранѣе всего дѣло начинается охраною внѣшнихъ отношеній страны, состоящую въ организаціи иностранныхъ сношений и постоянного войска или обще-народнаго веденія войнъ. Были, пишутъ, на Зондскихъ островахъ народы, которые избирали правителей только тогда, когда наступало время воевать¹⁾). Это однако исключеніе, потому что защита надобна послѣ достиженія такого общественнаго сложенія, которое въ той или иной мѣрѣ непремѣнно должно состоять въ подчиненіи законодательству, администраціи и суду и нерѣдко составляетъ обычный конецъ завоеваній, служившихъ одною изъ причинъ укрѣпленія государственного устройства. Хотя военная и дипломатическая охрана страны имѣть много сходства съ администрациею и къ ней обыкновенно присовокупляется, но все же внутренній смыслъ этой правительственной функции иной, чѣмъ трехъ первичныхъ, потому что при охранѣ имѣется въ виду общее цѣлое—государство, а не отдѣльные его граждане. И, какъ это ни странно покажется съ первого раза, въ этой охранѣ, въ этой военной организаціи, при всемъ преобладаніи въ ней подчиненія и власти, кроются начала многихъ дальнѣйшихъ усложненій и судебъ правительственныхъ усовершенствования.

¹⁾ Полагать можно, что и завзятые анархисты, отвергающіе пользу всякой правительственности власти, на случай войны тоже согласились бы повиноваться случайной или нарочно избранной правительственной власти.

ній. Это потому, вѣроятно, что доброе согласіе, стройный порядокъ, упроченіе душевнаго настроенія и матеріальная обстановка воиновъ составляютъ неизбѣжную необходимость выполненія ими долга и успѣшности войнъ, до чего легко было додуматься и на что указанія давали на каждомъ шагу организованныя воинныя силы. Сношенія съ иными государствами—помимо подчиненія и войнъ—обучають также правителей и жителей начальамъ согласнаго дѣйствія, порядка, равенства и братства. Отсюда недалеко уже до правительстvenныхъ заботъ о просвѣщеніи народа и о его промышленномъ преуспѣяніи, хотя нужны были чуть не тысячелѣтія для уразумѣнія того, что одно просвѣщеніе, даже совокупность духовно-моральнаго съ жизненно-матеріальнымъ, не исчерпываетъ отношеній, здѣсь необходимыхъ, и правительственные заботы о развитіи народной промышленности также настоятельно необходимы, какъ снабженіе войскъ пищей, одеждой и оружіемъ.

Пусть пессимизмъ видѣтъ или старается заставить видѣть даже въ заботахъ правителей о войскахъ и о духовномъ просвѣщеніи лишь эгоистическія соображенія правителей; этотъ, какъ и многие иные виды пессимизма, ничего не даетъ и не внушаетъ, а въ данномъ случаѣ прямо лживъ, какъ видно уже изъ того, что многие правители сами много воевали и были фанатиками вѣры. Причины заботъ правительствъ о свѣтскомъ народномъ просвѣщеніи и о промышленности страны сложнѣе всѣхъ иныхъ и возникли позднѣе, а потому еще удобнѣе для ложныхъ толкованій. Это становится понятнѣе, когда послушаешь людей (да почитаешь въ печати), воплющихъ противу роста промышленности, и разберешь, что эти вопли представляютъ въ наше время высшую форму задерживающаго ретроградства. Здравый смыслъ народа за просвѣщеніе и за промышленность, потому что въ нихъ залоги прогресса, благо общее и мирное сочетаніе интересовъ личныхъ съ соціальными. Правительственные заботы объ охранѣ, просвѣщеніи и промышленности нельзя переносить съ начальными функциями правительствъ: законодательствомъ, администрацію и судомъ, хотя въ центральной, т. е. законодательной функции правительствъ, по существу дѣла, соединяются всѣ государственные отношенія. Первичная отправленія правительствъ еще можно, съ грѣхомъ попо-

ламъ и въ противорѣчіи съ явными указаніями исторіи, толковать въ видѣ договора гражданъ съ Правительствомъ; вторичныя, безъ явной натяжки, невозможнo, и дѣйствительное единеніе народа съ Правительствомъ твердо устанавливается только съ осуществленіемъ этихъ вторичныхъ функций. Ранѣе всего это хорошо поняли въ Китаѣ, и его существованіе, измѣряемое многими тысячелѣтіями, объясняется не столько тѣмъ, что его Правительство законодательствуетъ, администраируетъ, судить, ведетъ войны и сносится съ другими народами, сколько тѣмъ, что оно издревле печется о народномъ просвѣщеніи и о развитіи его промышленности. Самъ Императоръ проводить первую борозду ежегодныхъ посѣновъ, сама Императрица подаетъ примѣръ шелководамъ. Мне недостаетъ умѣнія въ доказательствѣ того, что вышеупомянутую функцию правительства должно считать заботы о просвѣщеніи народа и его промышленномъ развитіи, но я твердо знаю, что это составляетъ мое завѣтнѣйшее убѣжденіе, и такъ какъ „Завѣтныя мысли“ не составляютъ трактата юридического характера, а назначаются только для передачи моихъ личныхъ убѣжденийъ, могущихъ имѣть реальное значеніе, то я ограничиваюсь сказаннымъ и перехожу къ тѣмъ частностямъ, которые относятся къ шести выше перечисленнымъ правительстvenнымъ функциямъ, имѣя въ виду уже не одну общую картину отношений народа къ Правительству и обратно, но исключительно современность и при томъ нашу русскую, нашихъ дней, наставшихъ послѣ замиренія и вызываемыхъ живыми измѣненіями прошлаго строя, опредѣляемыми буквой и смысломъ Высочайшихъ преднаречтаний и требующихъ отчетливаго и реальнаго къ нимъ отношенія отъ всѣхъ нась.

I. Законодательство всегда и повсюду, гдѣ прилагаются заботы объ исполненіи законовъ, т. е. по возможности устраиваютъ произволъ, составляетъ средоточіе всей правительственной организаціи. Это особенно относится къ временамъ переходнымъ и преобразовательнымъ, изъ которыхъ Россія еще не скоро можетъ выбраться и въ какихъ нынѣ несомнѣнно находится. Часто думаютъ, что въ другихъ дѣлахъ должно пробовать, и только послѣ перемѣнъ избирать тотъ путь дѣйствія, который окажется наиболѣшимъ, а въ дѣлѣ законодательства дѣлать этого нельзѧ или неправильно.

Въ извѣстномъ смыслѣ, пожалуй, это такъ, но не совсѣмъ, потому что иначе законы не приходилось бы измѣнять подчасъ на прямо противоположные, чemu примѣры извѣстны всякому, и не надо было бы никакихъ сложныхъ законодательныхъ учрежденій, а въ концѣ бытъ былъ бы застой, со всѣми его слѣдствіями. Законы, по существу, должны охватывать весь смыслъ прошлаго, всю современность и, что всего настоятельнѣе, должны предвидѣть вѣроятное будущее страны, насколько оно отъ законовъ зависѣть можетъ, а потому законодательные учрежденія составляютъ наиболѣе трудную часть правительственной организаціи. Вотъ по этой причинѣ, хотя бы совершенно оставилъ въ сторонѣ всѣ общія мѣста и соображенія, касающіяся необходимости ясныхъ и точно соблюдаемыхъ законовъ, и хотя бы ограничиваться лишь современными русскими потребностями, чего я и стараюсь достичь, — все же о законодательствѣ необходимо говорить не меньше, а даже болѣе, чѣмъ о многихъ другихъ правительстенныхъ функцияхъ. Въ немъ много задатковъ будущихъ судебъ Россіи, которая однако болѣе-то всего все же опредѣляются природою страны и ея населенія, положеніемъ ея въ средѣ другихъ народовъ, нравами и привычками всѣхъ ея жителей, исторіею и изъ нея безповоротно вытекающимъ господствомъ воли Правителей-Монарховъ. Воля эта оказала, кто бы что ни говорилъ, до нынѣ преимущественное вліяніе на многіе успѣхи Россіи, и нельзя, вмѣстѣ съ преоблащающею массою нашего народа, сомнѣваться въ направлениіи доброй воли русскихъ Монарховъ — ко благу народному, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Дѣло законодательства нашего сводится такимъ образомъ на установленіе инициативы (т. е. начинанія или предложенія необходимыхъ новыхъ законовъ) и обсужденія новыхъ законовъ, которыми, по возможности, исправлялись бы существующія формы зла и силы народныя направлялись бы къ общему благу страны. Само собою разумѣется, что и здѣсь все относительно, такъ какъ, во-первыхъ, если бы зла не существовало — не надо было бы ни правительствъ, ни законовъ, а всего зла истребить немыслимо и, во-вторыхъ, самое понятіе обѣ общемъ благѣ, даже одномъ чисто вѣшнемъ, условно, измѣняется со временемъ, мѣстомъ, обстоятельствами и лицами и включаетъ въ себѣ рядомъ съ правами—обязанности, вмѣстѣ съ

будущимъ — прошлое и вмѣстѣ съ общимъ — личное. Охватить все это Монарху возможно лишь тогда, когда предлагаемый законъ разсмотрѣнъ во всѣхъ доступныхъ людямъ даннаго времени отношеніяхъ, а потому разсмотрѣніе законодательныхъ мѣръ должно быть неизбѣжно многостороннимъ и даже разностороннимъ, т. е. освѣщеннымъ сужденіями за и противъ. Но уже вслѣдствіе непремѣнной сложности такого разсмотрѣнія необычайно важна инициатива законодательства, такъ какъ всего разсмотретьъ, особенно хорошо, да со всѣхъ сторонъ, очевидно невозможно и можно заниматься, особенно подъ вліяніемъ господствующихъ предразсудковъ, предметами малозначущими и лишь формальными, а существенно нужному для блага народнаго тогда не найдется мѣста и времени и оно все будетъ оттягиваться. Поэтому, съ своей стороны, считаю законодательную инициативу и порядокъ разсмотрѣнія имѣющими огромное значеніе для успѣха всѣхъ предстоящихъ у насть судебъ законодательства.

До настоящаго времени, кромѣ прямой воли Монарха, законодательная инициатива принадлежала у насть только Министрамъ по дѣламъ своего вѣдомства. Это составляетъ одну изъ важныхъ причинъ медленности и отсталости отъ народныхъ нуждъ нашего законодательства. Приведу для выясненія лишь два примѣра, хотя набрать въ недавнемъ прошломъ ихъ легко во множествѣ. Недостатки существующихъ гимназій, устроенныхъ по планамъ покойнаго графа Д. А. Толстого, всѣмъ давно стали очевидными, не изъ за какихъ-либо предвзятыхъ сужденій, а просто по явной дѣйствительности, о которой и писано, и всюду говорилось много. Никто этого живого вопроса въ законодательномъ порядкѣ поднимать, однако, не могъ, кромѣ Министровъ Народнаго Просвѣщенія. Они сперва просто замалчивали дѣло, выставляли его въ ложномъ свѣтѣ, потомъ старались подправить инструкциями и даже обсужденiemъ новыхъ проектовъ въ разнородныхъ Совѣціаніяхъ, но все же по сихъ поръ ничего почти не сдѣлали, хотя важность для будущаго и настоятельность для настоящаго времени столь явны, что, будь законодательная инициатива хоть чуть-чуть пошире, давнымъ давно бы поставили вопросъ о гимназіяхъ на ближайшую очередь, и если бы улучшенія были хоть не коренными, какими имъ

быть слѣдуетъ, а только приноровленными къ требованіямъ, указаннымъ прошлою дѣйствительностю, все же не пропали бы десятилѣтніе плоды явнаго порыва къ ученю и, вѣроятно, не было бы того печального положенія высшаго русскаго образованія, которое очевидно для всѣхъ, не забывшихъ недавнѣе его прошлое, такъ много обѣщавшее впереди. Непрактичный, даже худой или вредный законъ всегда, при всѣхъ предосторожностяхъ, явиться можетъ, потому что законы дѣло рукъ человѣческихъ, но надо имѣть и всѣми способами открывать возможность измѣнять и поправлять такие законы, которые изъ-за преслѣдованія ложныхъ мыслей и началъ—при всемъ благомъ желаніи законодателей—приводятъ не къ добру, а къ худу. А этого никакъ нельзя и ждать, если исполнители—единственные возможные инициаторы законодательныхъ измѣненій, потому что никто самъ себѣ не судья, да и не врагъ, и перемѣнъ или новшествъ всякой—безъ явныхъ побужденій—невольно страшится. Какъ другой примѣръ, возьму казенные горные заводы. Не подлежитъ сомнѣнію, что они въ свое время были не только просто полезны и выгодны, но даже необходимы по всему ходу нашей промышленной исторіи. А теперь, уже давно, примѣрно лѣтъ 20-ть, очевидно всякому, кому не лѣнъ вникнуть въ дѣйствительность, хотя бы по всему, что о ней писано и печатано, они не только стали бесполезными и убыточными, но и задерживающими правильность хорошо начатой частной горно-заводской промышленности. Давно эти казенные горные заводы слѣдуетъ или сдать въ аренду, или продать, или хоть просто закрыть, но вѣдомство, ихъ ведущее, не только само себѣ не врагъ, говоря по просту, но и мало имѣеть возможности отнести къ предмету съ должной, общегосударственной стороны, потому что связано съ этимъ дѣломъ всякаго рода узами, начиная съ историческихъ и кончая профессиональными. Вѣдь надо было бы доказывать, что мы сами не можемъ, при казенному хозяйствѣ и контролѣ его, вести вѣренное намъ дѣло, что его слѣдуетъ такъ или иначе закончить, какъ исполнившее свою роль—образца для развитія необходимѣйшихъ странъ предпріятій. Вмѣшалось другое вѣдомство, но по существующему принципу исключительной инициативы своего вѣдомства—ничего иного не могло слѣдить, какъ обслѣдовать предметъ, на-

сколько это было возможно, и внушать горному же вѣдомству мысль кореннымъ образомъ преобразовать дѣло казенныхъ горныхъ заводовъ. Переписка тянулась большая и комиссіи засѣдали разныя, но такъ дѣло и пребываетъ на старомъ началѣ—безполезнымъ и безвыгоднымъ. Смотря на два приведенные примѣра съ точки зрѣнія государственныхъ средствъ, которая, увы, непремѣнно должно всегда имѣть въ виду и на первомъ планѣ, можно думать, что казенные горные заводы дадутъ новые средства отъ сбереженія расходовъ и прибыли доходовъ—при сдачѣ въ аренду, а гимназіи потребуютъ новыхъ средствъ. Вопросъ и усложняется, и сводится во многомъ къ инициативѣ: что настоятельно необходимѣ? съ чего начинать? кто это рѣшитъ? Законодательство, коли оно относится не къ формально-пустозвучнымъ, а къ жизненно-реальнымъ потребностямъ народа, да еще столь большого, какъ русскій, составляетъ дѣло сложнѣйшее и какъ всякое такое требуетъ хорошо обдуманного порядка въ своей послѣдовательности. Иначе дѣла второстепенного значенія и требующія только расходовъ — оттянуть настоятельнѣйшія, могущія увеличивать достатки жителей и самого государства.

Не имѣя и въ мысляхъ ни малѣйшаго желанія кому либо указывать въ отношеніи упомянутыхъ важныхъ предметовъ, выскажу только нѣкоторыя изъ завѣтныхъ своихъ мыслей о правѣ инициативы и объ установлениіи послѣдовательности или порядка законодательныхъ работъ.

Манифестъ 6 августа, устанавливающій новую и прямую связь Монарха съ народомъ, и сопровождающія его разъясненія даютъ выборнымъ членамъ Государственной Думы право законодательныхъ начинаній. Статья 34-я закона объ учрежденіи Думы прямо говоритъ: „Государственной Думѣ предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданий новыхъ законовъ“. Для осуществленія разсмотрѣнія требуется (статья 54) письменное заявленіе „не менѣе, чѣмъ 30-ти членовъ“, и это мудрое ограниченіе должно признать совершенно достаточнымъ обеспеченіемъ того, чтобы на разсмотрѣніе шли дѣйствительно лишь жизненно-важные предметы. За Министрами, очевидно лишь по своему вѣдомству, также сохраняется право начинанія законодательныхъ дѣлъ, и эта совокупность обѣщаетъ

уже многое, особенно же то, что къ членамъ Думы отъ всѣхъ жителей Имперіи, а къ Министрамъ отъ всякихъ исполнителей дойдутъ голоса народные и ничто существеннѣйшее и сознанное не минуетъ, какъ можетъ миновать до нынѣ, законодательного вниманія, а пройдя свою частную оцѣнку—въ видѣ ли 30 членовъ Думы или въ видѣ оцѣнки предложеній Министерствами, будетъ касаться лишь назрѣвшихъ надобностей „блага народнаго“, а не какихъ то смутныхъ благихъ пожеланій или неосуществимыхъ утопій. Миѣ даже кажется, что для должностного уравновѣшенія и соревнованія Государственного Совета и Государственной Думы полезно было бы даровать право иниціативы и членамъ Государственного Совета, если заявленіе объ отмѣнѣ или измѣненіи законовъ или о введеніи новыхъ законовъ будетъ письменно представлено за подписью не менѣе чѣмъ 10-ти членовъ Государственного Совета. Государственная опытность и довѣrie Монарха, имъ дарованное назначеніемъ въ члены Высшаго Совета, даютъ имъ возможность охватывать совокупность нуждъ страны и выбирать лишь настоятельнѣйшія. Въ отношеніи къ законодательной иниціативѣ Министровъ мнѣ хотѣлось бы думать, что послѣ установлениія Перваго Министра или единства исполнительной власти (о чёмъ рѣчь моя впереди) весьма будетъ важно, чтобы законодательная иниціатива Министровъ проходила чрезъ Перваго Министра, а не шла прямо отъ отдѣльныхъ Министровъ. Чрезъ это много должно сократиться времени и мелочныхъ дѣлъ въ работѣ законодательныхъ Советовъ. Нынѣ, сколько я понимаю и знаю предметъ, соревнованіе и отсутствіе прямой и зависимой связи между отдѣльными Министрами служить однимъ изъ главныхъ основаній существующаго правительственноаго порядка, а въ будущемъ, сколько можно предвидѣть его или, скорѣе, предчувствовать или надѣяться, на то мѣсто встанетъ соревнованіе и независимость трехъ силъ: Государственной Думы, Государственного Совета и Перваго Министра. И это будетъ уже потому явнымъ улучшеніемъ, что при ширинѣ иниціативы окончательныхъ разногласій будетъ меньше, особенно при единствѣ исполнительной власти, неизбѣжно существующей — по самому смыслу учрежденія Государственной Думы—становиться во многомъ на точку зрѣнія преобладающаго въ Думѣ большинства.

Въ отношении послѣдовательности, съ какою должны разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Государственной Думѣ начатыя по вышеуказанной инициативѣ дѣла законодательного свойства, совершенно неудовлетворителенъ порядокъ, опредѣляемый исключительно временемъ поступленія или заявленія, а изъ всѣхъ дѣлъ непремѣнно необходимо выдѣлить для первоначального разбора неотложно срочныя (напримѣръ, ежегодныя сѣмѣты) и важнѣйшія по своему общегосударственному значенію, а для этихъ и для всѣхъ дѣлъ предоставить установление очереди особому соѣщанію изъ предсѣдателей Государственной Думы и Государственного Совѣта съ Первымъ Министромъ, или, пока такого не будетъ, съ предсѣдателемъ Комитета Министровъ. Лица эти, навѣрное, правильнѣе кого либо иного установятъ относительную важность предметовъ, примутъ въ расчетъ длительность процесса разсмотрѣнія въ Отдѣленіяхъ и вообще помогутъ той правильности теченія дѣлъ, безъ которой при всемъ добромъ жѣланіи обоихъ законодательныхъ собраній, а тѣмъ болѣе при ихъ ревнивомъ соперничествѣ, должно ждать весьма печальныхъ явлений—волокиты и увлеченія въ сторону дѣлъ, хотя и чередовыхъ, но терпящихъ отсрочку, каковы, напр., перемѣна стиля, число праздниковъ и т. п.

Важнѣйшую и труднѣйшую часть законодательныхъ работъ составить, конечно, разсмотрѣніе, подготовка и развитіе стоявшихъ на очереди законовъ. Если бы они и впредь производились только въ Министерствахъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, то многія благія предначертанія Монарховъ обѣщали бы народу мало существенныхъ улучшеній, потому что на все, до народа доходящее, отъ Царя и обратно, легъ бы отпечатокъ, уже исторически, понемногу наложенный на всю „канцеляршину“, такъ какъ и составъ Государственного Совѣта съ нею тѣсно связанъ. Придирчиво и формально — односторонними всегда останутся—безъ сомнѣнія, лишь въ общемъ цѣломъ—труды того „средостѣнія“, которое стоитъ между волею Монарха и „благомъ народнымъ“, и все благое опредѣлялось бы и впредь исключительно тою духовно-таинственnoю связью Царя съ народомъ, которой опредѣлилась вся исторія Россіи послѣднихъ столѣтій. „Средостѣніе“ само по себѣ неизбѣжно, нигдѣ и никакъ обойтись безъ него нельзя, но оно по смыслу дѣла и даже по буквѣ закона дѣйствуетъ

и будетъ дѣйствовать „за совѣсть“, если бы „не токмо за страхъ“. Страхъ и совѣсть все же пассивны, все же опираются лишь на прошлое, опредѣляютъ своего рода солидарность и обособленность, а надо предвидѣть, предчувствовать, жить цѣликомъ съ народомъ и любить. Учрежденіе Государственной Думы, какъ непремѣнного органа законодательныхъ работъ, введетъ новый порядокъ исключительно потому, что къ голосу непремѣнно свой народъ любящаго Царя теперь прибавятся голоса непремѣнно любящихъ страну народныхъ избранниковъ, потому что не любящихъ—нѣтъ прямыхъ поводовъ избирать. Только любящіе отнесутся мягко къ существующимъ недостаткамъ, только они найдутъ выходъ изъ того, что страху и совѣсти покажется безъисходнымъ, только съ ними будетъ высшій народный разумъ и, смѣло думать можно, только съ ними будетъ Царь, у Котораго до сихъ поръ не было, кроме своего сердца, органа несомнѣнно любящаго все будущее Россіи, хотя говорили Ему „не только за страхъ, но и за совѣсть“, какъ это и свойственно „средостѣнію“. Могу сказать, что зналъ на своеемъ вѣку, знаю и теперь очень много государственныхъ русскихъ людей и съ увѣренностью утверждаю, что добрая ихъ половина въ Россію не вѣритъ, Россіи не любить и народъ мало понимаетъ, хотя всѣ — безъ большихъ изъятій, даже для покойнаго графа Д. А. Толстого,—дѣйствуютъ и мыслятъ безъ страха и за совѣсть, или, говоря болѣе понятно, теоретическими оправданіями своихъ мыслей и дѣйствій обладали. Въ чёмъ иномъ я, пожалуй, могу быть не-компетентнымъ и пристрастнымъ, но тутъ этого невозможно подозрѣвать, потому что, будучи всю жизнь научнымъ теоретикомъ, отрицаю достаточность теоретичности въ такомъ строго практическомъ дѣлѣ, какимъ считаю законодательство, особенно русское и въ настоящее время. Теоріи, партіи, системы — безспорно,—тутъ необходимы, онѣ и будутъ непремѣнно, но безъ такта и любви дѣйствительной ничего тутъ не подѣлаешь. Что же, кроме настоящей, сознательной и взвѣшенной любви къ Россіи, побуждало Великаго Петра отворить окно въ Европу, Александра Освободителя дѣлать его дѣла. Императора Николая II согласиться на миръ, когда весь разумъ говоритъ, что наступилъ уже переломъ и при легкѣ возможной настойчивости военные успѣхи должны

были перейти на нашу сторону. Воля то вѣдь руководится не только инстинктами или побуждениями самоохраны, общими заразными привычками и соображениями или расчетами разума, но сильнѣе всего, превыше всего,—любовью, въ которой сказывается, прежде всего, отказъ отъ личного и голосъ общенія къ близкимъ. Хорошо — да такъ въ идеалѣ когда-то и будетъ, къ тому и стремится все усовершенствование человѣчества, когда инстинкты—личные, привычки—общія и разумъ—просвѣтленный диктуютъ то-же самое, что любовь, но этого вѣдь нѣтъ, особенно въ дѣлѣ законодательномъ, столь далекомъ отъ первичнаго быта, изъ котораго выбираться нельзя—безъ жертвъ. Выходъ дастъ только любовь.

Спрашивается теперь, какъ достичь того, чтобы между членами Государственной Думы преобладали—по возможности—люди любящіе Россію, въ ея будущность вѣряющіе и способные ту любовь отстаивать явно, умомъ поддерживать голосъ любящаго сердца? Задача та сложна и опытнымъ путемъ—по примѣрамъ другихъ народовъ, — мнѣ кажется, еще далеко не решенная съ ясностью. „Всеобщій, прямой и тайный“ выборъ народныхъ представителей, чего желаетъ не малое количество нашихъ передовиковъ, мнѣ представляется не только неосуществимымъ на дѣлѣ, но и отнюдь не могущимъ дать желаемыхъ представителей, потому уже, что такой выборъ, при всякаго рода допущеніяхъ, предполагаетъ готовыхъ, ранѣе намѣченныхъ кандидатовъ и развитіе сознательности болѣе или менѣе равномѣрнымъ во всемъ народѣ. Послѣдняго нигдѣ допускать нельзя, а у насъ и подавно, а первое уже по существу говорить противъ всеобщности и тайны. Признаюсь, что лично я боюсь больше всего преобладанія между членами Государственной Думы теоретиковъ, будуть ли они изъ либераловъ или изъ консерваторовъ, и боюсь потому, что, любя свои созрѣвшія мысли болѣе всего окружающаго, они должны предпочесть идейное жизненному, а въ законахъ, по мнѣ, это вредно и допустимо лишь въ малой дозѣ. А лицами, могущими донынѣ склонить къ себѣ всеобщій голосъ, то есть выступить кандидатами при „всеобщемъ“ голосованіи, слѣдуетъ считать лишь идейныхъ теоретиковъ. Они народу и жизни нужны, честь имъ и слава, но безъ преобладанія въ Думѣ. Поэтому мое личное мнѣніе противу всеобщаго голосованія. Избраніе

чрезъ выборщиковъ, установленное и у насть, есть единственное донынѣ возможное и вся судьба дѣла опредѣляется не столько количествомъ выборщиковъ, сколько ихъ качествомъ, т. е. „цензомъ“. Какъ у насть, такъ и всюду, преобладающее значеніе для его опредѣленія приписываютъ имуществу, въ томъ конечно предположеніи, что имущество связываетъ тѣсно личные интересы съ общими. Хотя у меня-то самого цензовое имущество есть, но я лично громко высказываюсь противу рациональности указанного начала, хотя бы оно выражено было просто мѣрою вносимыхъ (но вѣдь не по личному желанію) податей. Это потому, прежде всего, что имущество наслѣдуется и уже вслѣдствіе этого одного нисколько не говоритъ о личныхъ качествахъ владѣльца. Еще если бы дѣло шло о благопріобрѣтенномъ имуществѣ, можно было бы утверждать, что владѣлецъ практически изворотливъ и дѣловитъ, а слѣдовательно жизни попробовать въ дѣйствительности. Но, конечно, не въ этомъ дѣло вообще, а особенно у насть, когда надо предлагать и обсуждать законы, существующіе перемѣнить къ „благу народному“ многія существенные стороны жизненныхъ условій страны, начиная съ землепользованія и ускоренного развитія всей промышленности до народного просвѣщенія и „устава службъ гражданской“. Не вдаваясь въ дальнѣйшую критику имущественного ценза, давно уже и всюду развивающую, остановлюсь на томъ, что пришлось не разъ слышать лично отъ передовыхъ людей того Запада Европы, въ которомъ имущественный цензъ преобладаетъ. А именно мнѣ говорили, что цензъ долженъ быть научный, потому что наука охватываетъ уже всю жизнь и безъ ея руководства достижение „блага народнаго“ и прозорливаго предвидѣнія, столь необходимаго въ законодательныхъ дѣлахъ даже у выборщиковъ, не мыслимо; все равно, дескать, народные представители волей или неволей пойдутъ за людьми науки. Такой вариантъ ценза, хотя лично и ему, по всей видимости, я бы удовлетворилъ, считается мною не подходящимъ ни вообще, ни, тѣмъ паче, къ Россіи. Если обычный видъ ценза многое передовое замедляетъ болѣе потребнаго, то научный цензъ, навѣрное, черезъ чуръ ускорить и зачерствить много законовъ, а то и другое можетъ быть очень вреднымъ и съ любовью къ странѣ не согласуется. Главное же, что могу сказать про-

тивъ научнаго ценза, сводится къ тому, что учебные успѣхи въ наукахъ, для дипломовъ необходимые, означаютъ только подготовку, еще ни за что жизненное и общественное не ручающаюся, а успѣхи въ дѣйствительномъ развитіи наукъ, во-первыхъ, очень не часты, во-вторыхъ, очень специализированы и, въ третьихъ, черезъ чуръ мало связаны съ той сложной жизненной обстановкой и съ тѣмъ знаніемъ людей, которое надо болѣе или менѣе не только обнять народнымъ представителямъ, но и выборщикамъ. Когда нибудь впослѣдствіи, но отнюдь не теперь и особенно еще не у насть, нѣкоторый небольшой научный цензъ можетъ служить, какъ возрастъ и полъ, для ограниченія числа выборщиковъ тѣми, которыхъ можно считать наиболѣе способными произвести правильные выборы и выразить голосъ народа, но теперь и у насть это было бы не только не полезнымъ, но прямо вреднымъ во многихъ отношеніяхъ, о которыхъ не считаю надобнымъ распространяться. Полагая съ своей стороны первую необходимостію „вино новое не влиять въ мѣхи старые“¹⁾), я думаю, что въ приемахъ, установленныхъ для опредѣленія выборщиковъ въ первую Государственную нашу Думу, положены здоровыя начала и успѣшность первыхъ выборовъ во многихъ отношеніяхъ обеспечена, хотя лично желалъ бы въ дѣлѣ ценза выборщиковъ видѣть впослѣдствіи улучшенія разнаго рода, но такъ какъ мою цѣлью вовсе не служить составленіе какихъ либо программъ, а лишь выраженіе за-ѣтныхъ, т. е. давно во мнѣ живущихъ мыслей, то я остановлюсь лишь на одномъ, мнѣ кажется, еще не выраженномъ никѣмъ, цензовомъ условіи, а именно на томъ, чтобы всѣ *выборщики* (и на половину выбираемые) были отцами, имѣющими не менѣе опредѣленнаго числа дѣтей. Для всѣхъ странъ весьма важно увеличеніе народонаселенія, а для Россіи его значеніе, по моему мнѣнію, стоитъ даже на первѣйшемъ планѣ, когда начнутъ, какъ можно думать по совокупности благихъ начинаній царскихъ, быстро возрастать общія условія народнаго, говоря ближе, крестьянскаго благосостоянія съ развитіемъ земледѣльческой и всѣхъ иныхъ видовъ промышленности. Отцовскій или дѣтскій цензъ долженъ имѣть, по всей

¹⁾ То есть не соглашаюсь съ тѣми, которые предлагали, ради сокращенія и упрощенія выборного процесса, первые выборы сдѣлать въ существующихъ земствахъ.

видимости, благое значеніе какъ въ консервативномъ, такъ и въ прогрессивномъ отношеніи, потому что у отца навѣрное уже есть немалый жизненный опытъ общенія и ему осознательно важны какъ сохраненіе общаго порядка, такъ и обеспеченіе его въ будущемъ — прямо для близкихъ ему. А главное, у отцовъ въ общемъ должно предполагать много больше, чѣмъ у не отцовъ, тѣхъ практическихъ свѣдѣній, любовью опредѣляемыхъ и усовершенствуемыхъ, отъ которыхъ зависитъ ближайшее будущее. Супружеская связь еще можетъ быть опредѣляема въ большинствѣ случаевъ преобладаніемъ личныхъ, эгоистическихъ требованій, особенно при соединеніи съ иѣкоторымъ достаткомъ, но дѣти неизбѣжно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, ставить любовь къ другимъ на степень выше эгоистической. Дѣти и законодательство непремѣнно должны заставлять думать о практическомъ будущемъ. Въ этомъ главная связь. Если имущественный цензъ расширить пониженiemъ требованій, а усилить отцовствомъ, то выгоды будутъ, вѣроятно сравнительно скоро, очевидными. Но моя мысль станетъ понятнѣе, если прибавлю, что отцамъ-выборщикамъ желательно предоставить право избирать народныхъ представителей хотя бы наполовину не изъ своей среды (т. е. не отцовъ) съ тѣмъ лишь (безъ ценза) ограниченіемъ, чтобы избираемый жиль въ избирательномъ округѣ не менѣе пяти или трехъ лѣтъ. Это для того полезно, чтобы избираемый былъ знакомъ съ мѣстными условіями и при выборѣ его выборщики могли судить о немъ не по наслышкѣ, да не по словамъ однѣмъ, а по дѣйствительнымъ дѣламъ, неизбѣжно сосѣдямъ ближе извѣстнымъ, такъ какъ нерѣдко „стелютъ мягко, да спать жестко“, и это больше всего относится до словъ, и выборщики сослужатъ свою службу родинѣ лучше всего, когда будутъ руководиться не однѣми рѣчами и „платформами“ избираемыхъ или ихъ приспѣшниковъ, а дѣлами, совершенными предлагаемыми кандидатами въ мѣстной средѣ. Моя мысль выяснится, думается мнѣ, если прибавлю, что разумность и цѣлесообразность сужденій проявятся въ общегосударственныхъ дѣлахъ не иначе, какъ послѣ навыка и испытанія въ болѣе скромныхъ или малыхъ размѣрахъ мѣстной дѣятельности.

Сверхъ вышеуказанной мысли объ отцовствѣ избирателей и о томъ—впрочемъ довольно распространенномъ—поло-

женіи, что избираемые непремѣнно должны быть жителями (не просто владѣльцами) избирательного округа, мнѣ желательно высказать лишь одно соображеніе объ избираемыхъ представителяхъ народа. Допустимъ, что по смыслу какъ того, что сказано выше, такъ особенно того, что узаконено положеніями о выборахъ въ Государственную Думу, обеспечивается, конечно, въ извѣстной мѣрѣ, предвидѣнію доступной, избраніе въ Думу лишь лишь, вполнѣ знающихъ всю живую обстановку частной, мѣстной жизни. Это, конечно, очень важно, даже совершенно необходимо для правильности и полноты сужденій Думы, но все же въ этихъ сужденіяхъ можетъ не принять никакого участія самая соль земли, лучшіе ея люди, хотя бы того желало громадное большинство жителей. Одни не могутъ попасть потому, что подобно Діогену дѣйствительно съ фонаремъ ищутъ „человѣка“, но презираютъ личный комфортъ, всего себя отдавая благу другихъ, и не имѣютъ никакого ценза. Другіе, какъ Христосъ, подолгу не заживаются на мѣстѣ, а вездѣ сѣютъ стѣмена добра. Трети, хоть состоять на государственной или общественной службѣ и желаютъ сохранить получаемое на ней жалованье—ради условій семейныхъ и любви къ тому дѣлу, около котораго состоять, а стѣмѣли при всемъ этомъ сказать людямъ много правды и сдѣлать много такого, что внушаетъ всѣмъ уверенность въ большой пользѣ отъ ихъ участія въ сужденіяхъ Думы. Найдутся и другіе подобные желаемые члены, которые по необходимымъ въ корнѣ условіямъ выборовъ никакъ не могутъ попасть въ Думу, а для участія въ ней желательны. Такіе люди и обстоятельства, конечно, могутъ быть лишь исключительными и немногочисленными, но они навѣрное на дѣлѣ окажутся, особенно если за соблюденіемъ выборныхъ правилъ будутъ слѣдить внимательнѣе. Мнѣ думается поэтому, что было бы полезно предоставить собравшимся членамъ Государственной Думы право избрать баллотировкою (по заявленію, подписанному не менѣе, какъ 30 членами) опредѣленное небольшое число (например, 15) новыхъ полноправныхъ своихъ сочленовъ. И надо полагать, что избранныя этимъ путемъ лица будутъ очень полезны, потому что выразить, въ извѣстной мѣрѣ, соль страны и явно освѣтятъ направлениѳ большинства членовъ Думы. Мѣста (и оклады) состоящихъ на службѣ из-

бранныхъ членовъ Думы могутъ быть временно заняты другими лицами, чтобы не было совѣтствительства, которое, говоря вообще, почитается мною очень вреднымъ, конечно, за исключениемъ мѣстъ „почетныхъ“, болѣе всего выражавшихъ лишь дань за прежнія заслуги. Повторю, что вообще цензъ для народныхъ представителей надобенъ, какъ норма, но надо дать прямую возможность поправлять неизбѣжные его недостатки, ради достижениѧ въ Государственной Думѣ совокупности лучшихъ представителей народнаго разума. Сухая формальность законовъ вездѣ, гдѣ можно ея вредъ предвидѣть, должна быть смягчаема голосомъ народа, какъ она смягчается волею Царя; въ судѣ присяжныхъ возможность этого смягченія наиболѣе драгоценна, ибо никакой законъ человѣческій не можетъ обнять всего многообразія дѣйствительности, и тѣмъ не менѣе законы необходимы. Сухой формализмъ производить въ одно и то-же время какъ то, что называется „канцеляршиною“, такъ и то, что составляетъ безпощадный „утопії“, онъ же губить и многое вѣрное въ началахъ, а выходъ изъ круга, повидимому закодованного, дается лишь любовью не только къ общему, но и къ частному или индивидуальному. Увлеченіе однимъ общимъ или однимъ индивидуальнымъ, по мнѣ, полной злѣости не показываетъ и отъ господства реального зла не продостерегаетъ. Раціоналисты этого не поймутъ. Въ предшествующемъ отдельномъ примѣрѣ (выбора представителей) я старался показать, что законъ можетъ быть такъ составленъ, что при господствѣ общихъ началъ окажутся исключенія для лицъ, цензу и выборщикамъ неответвѣтившихъ.

Это особо важно помнить, обсуждая въ наше время законодательство, надобное Россіи, потому что ея природныя условія черезъ чуръ разнообразны, ея жители разноплеменны, съ различнымъ прошлымъ и ея народъ до чрезмѣрности разнороденъ по началамъ религіознымъ, нравственнымъ и образовательнымъ. Всего этого не охватить сухими подробностями законовъ. Эти подробности родятъ много золь. Между причинами, вызывающими часто вредныя и излишнія подробности законовъ, не малое мѣсто занимаютъ софистика и діалектика¹⁾, а болѣе всего натяжки въ насильственномъ

¹⁾ По моему мнѣнію софистика, противу которой боролись Сократъ и Платонъ, только тѣмъ и отличается отъ діалектики, которую про-

требованіи полнаго единообразія тамъ, гдѣ оно можетъ быть достигаемо только само собою и мало по малу таинственными и часто постепеновскими путями исторіи, да и то не до конца, не безъ исключеній. Чтобы по возможности избѣжать доктринального единообразія подробностей законовъ, необходимы общеобязательные законы ясные и вразумительно-практическіе, но лишенные подробностей, которые могутъ быть узаконяены съ разнообразными варіантами какъ по мѣстнымъ условіямъ, такъ и по разнымъ инымъ соображеніямъ. И надо, по моему мнѣнію, первѣе всего обдумать и всячески взвѣсить эти общіе законы, а выработку мѣстныхъ и всякихъ иныхъ частностей и подробностей пока отложить, потому что эти послѣднія невольно возбудятся жизнью и отношениемъ къ ней администраціи. Иначе, т. е. сразу вступивъ въ область частностей и особенностей, легко можно, говоря грубо, завязнуть въ нихъ и тратить на нихъ дорогое и толкающее къ общему выясненію время спѣшныхъ законодательныхъ работъ. Притомъ неизбѣжно-ежегодное разсмотрѣніе государственныхъ смыть послужить прямымъ поводомъ къ выясненію большинства частностей, когда общее уже решено и узаконено. Въ примѣрахъ это очевидно, но я приведу лишь немногіе. Дѣйствующіе уставы университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, судя по всѣмъ практическимъ послѣдствіямъ и явленіямъ, измѣнить необходимо, и можно годы проработать, обсуждая всѣ ихъ подробности и частности, да пришлось бы эти послѣднія затѣмъ опять перемѣнять и обсуждать, когда дошли бы, на-

славили именно эти мудрецы древности, что первая держится только за умъ въ его сознанныхъ и признанныхъ положеніяхъ и приемахъ, а вторая, будто бы, аппелируетъ къ дѣйствительности, исходя однако не изъ индивидуальныхъ ея отношеній, а лишь изъ сознанныхъ же и признанныхъ положеній, указанныхъ общими сердечными требованиями. Все же діалектика выше софистики, но обѣ, до мозга костей, неестественно суки и, свою службу сослуживъ, сумѣли погубить превній міръ, вредя и до современности, въ которой выражены ярче всего у ярыхъ закошниковъ и консеквентныхъ метафизиковъ-мечтателей, полагающихъ, что къ соціальнымъ явленіямъ можно прилагать приемы математики. Съ Лейбницемъ ошибаясь, они забываютъ Бэконовскій опытъ, опредѣлившій силу естествознанія. Ошибка эта повторяясь завлекла слабыхъ, все еще мнящихъ изъ ума произвести міръ и общество людей, опираясь на признаваемое ими „единое общее“.

примѣръ, до общихъ узаконеній, касающихся сословныхъ особенностей, уставовъ службы гражданской, выборной и военной и т. п. Но одно, уже нынѣ къ счастію изданное, постановленіе закона о возвращеніи университетамъ того, что условно называется „автономіею“ — все дѣло если не предрѣшаетъ до конца, то до крайности упрощаетъ, а главное ускоряетъ устраненіе вопіющихъ недостатковъ. При установлѣніи общаго закона, конечно, нельзя довольствоваться такимъ словомъ, какъ „автономія“, его необходимо выяснить, но это выясненіе поставить только вмѣсто одного слова — двадцать, но никакъ не цѣлые томы всякаго рода „положеній“. Въ такихъ уже решенныхъ дѣлахъ, какъ освобожденіе крестьянъ, какъ свобода церковно-религіозныхъ убѣждений, какъ общность воинской повинности и т. п., общее узаконеніе опредѣлило всѣ почти дальнѣйшія подробности. Конечно, въ этихъ подробностяхъ нѣкоторыя части могутъ оказаться въ противорѣчіи съ общимъ началомъ, но, во-первыхъ, ихъ легче поправить, чѣмъ общее направлѣніе, и, во-вторыхъ, вкрадываются эти противорѣчія обыкновенно не вслѣдствіе недоразумѣнія, а чаще всего изъ односторонней выработки подробностей, если же и онѣ пройдутъ чрезъ разумъ Государственной Думы, число такихъ противорѣчій съ поставленнымъ общимъ началомъ уменьшится, и качественное значеніе умалится, такъ какъ сотни новыхъ свѣжихъ умовъ объ этомъ безъ сомнѣнія позаботятся. Будутъ законодательныя дѣла, напримѣръ, о свободѣ печати, въ которыхъ, по видимости, все дѣло въ совокупности подробностей, но сущность ихъ, мнѣ кажется, все же можетъ быть решена помимо разрѣшенія всѣхъ подробностей, напримѣръ, если и для печати опредѣлятся карательныя мѣры за проступки политического, нравственнаго и личнаго свойства, потому что всякие виды свободы подразумѣваютъ не только права, но и обязанности; нарушеніе же послѣднихъ должно, по суду, ограничивать тѣ или иные права; полная же или абсолютная свобода какого бы то ни было соціального отношенія есть анархія или нарушеніе чьихъ либо правъ, для огражденія которыхъ законы и назначаются. Въ однихъ случаяхъ общее законоположеніе улучшить и выяснить, хотя бы въ общихъ чертахъ, права, въ другихъ обязанности, но яснымъ и здоровымъ, полезнымъ и прочнымъ, новымъ и наиболѣе

желательнымъ должно считать только такое, частное ли или общее законоположение, въ которомъ выясняются тѣ или иные права — рядомъ съ обязанностями, имъ соотвѣтствующими. Упущеніе этого соотвѣтствія ясно наказываетъ или караетъ послѣдующая исторія. Государственная Дума съ самого начала своей дѣятельности должна проникнуться означенными началомъ, а если роль защитника обязанностей преимущественно падетъ на Государственный Совѣтъ, въ Думѣ же будутъ обсуждаться преимущественно права, то односторонность, а за ней наказанія исторіи роста „общаго блага“ — останутся тяготѣть надъ нами. Члены Думы, освобожденные отъ прямой отвѣтственности за свои сужденія — предъ своими избирателями и судомъ, избѣжать не могутъ суда исторіи и потому поступать прозорливо, если при каждомъ обсужденіи правъ, общихъ или частныхъ, взвѣсить и обсудять, формулировать и узаконять обязанности, сопрягающіяся съ желательными правами. Пресловутая „лекларациѣ правъ“ много бы выиграла въ своемъ историческомъ значеніи, если бы болѣе категорически выставила общія для всѣхъ обязанности, кроме простого упоминанія о покорности закону и суду. Грѣхи односторонности зависятъ, конечно, не отъ того одного, что законодатели имѣютъ въ виду обыкновенно лишь обязанности положительного свойства (напримѣръ, у Конфуція: „почитай предковъ, соблюди церемоніи“ и т. п.) или отрицательного (напримѣръ, у Моисея: „не укради, не свидѣтельствуй ложно“ и т. п.), даже не потому, что они, нерѣдко пользуясь явными правами отъ узаконяемыхъ обязанностей, надѣются еще прочими обеспечить свои права, но преимущественно, по моему личному мнѣнію, отъ того грѣха законодательства состоять болѣе всего въ односторонности, что до нынѣ діалектика и ея вѣтвь — краснорѣчіе — чаще всего берутъ верхъ въ законодательствѣ, діалектика же — по существу — одностороння, такъ какъ имѣеть въ виду лишь простоту немногочисленныхъ логическихъ посылокъ, а не запутанную сложность отношеній лицъ другъ къ другу и къ обществу, чѣмъ отличается та дѣйствительность, до которой законъ долженъ относиться. А то, что называется краснорѣчіемъ, присущимъ діалектику — увлекаетъ, заслоняетъ своей пеленою дѣйствительную сложность смѣси добра со зломъ. Если бы для реплики законодателямъ-

діалектикамъ можно было вызвать исторію, да не прошлаго, а будущаго, изъ столкновенія мнѣній и логическихъ сопоставленій легко было бы выводить здравое рѣшеніе. Но столкновеніе партій еще не вносить достаточно свѣта, потому что самая прочность различія партійныхъ началь показываетъ ихъ односторонность, нужно же для рѣшенія именно возможно полное отсутствіе односторонности и отсутствіе партійности. Поэтому то очень велико значеніе разсмотрѣнія законодательныхъ предложенийъ по крайней мѣрѣ въ двухъ независимыхъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и особенно соизволеніе Царя, у котораго никакихъ иныхъ соображеній, кроме „блага народнаго“, и быть не можетъ, особенно тогда, когда предметъ предварительно разсмотрится со всѣхъ доступныхъ сторонъ, какъ должно полагать по отношенію къ большинству законодательныхъ нововведеній. Но при этомъ разсмотрѣніи, особенно въ такомъ многочисленномъ собраніи, какимъ будетъ Государственная Дума, необходимо многое предусмотрѣть для того, чтобы рѣшенія большинства были объемлющими дѣйствительность, что конечно и желательно. Тутъ постараюсь быть до крайности краткимъ, чтобы не удлинить и безъ того затянувшееся изложеніе. Минѣ кажется полезнымъ при обсужденіи предметовъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ собраніяхъ Думы, предварительно вообще согласиться о небольшой продолжительности, напримѣръ не болѣе 15 минутъ, рѣчи каждого отдельного оратора и о томъ, чтобы каждый изъ нихъ ранѣе всего выразилъ общий смыслъ своей рѣчи („за“ или „противъ“ того-то). Отъ этого должны получиться двѣ выгоды: сократится время, составляющее въ законодательныхъ работахъ важный элементъ, и діалектика приблизится къ дѣйствительности, т. е. число логическихъ посылокъ сократится до крайней возможности. Великую пользу двухъ указанныхъ предварительныхъ соглашеній я видѣлъ на дѣлѣ, такъ какъ они были осуществлены въ Комиссіи, разматривавшей, подъ предсѣдательствомъ покойнаго И. А. Вышнеградскаго, статьи таможеннаго тарифа въ 1890 году. Хотя въ окончательномъ обсужденіи участвовали представители разнообразнѣйшихъ направлений въ числѣ болѣе полусотни, все же можно было ждать большой затяжки отъ велерѣчія, но предварительно уже разсмотрѣнныя подробности рѣшались и

быстро, и ясно именно вслѣдствіе принятія ограничений, предложенныхъ И. А. Вышнеградскимъ. На сноемъ вѣку мнѣ пришлося участвовать во множествѣ коллегіальныхъ обсужденій и рѣшеній, но такой успѣшности, ясности и взвѣшенности голосованій въ столь краткое время—никогда не приходилось испытать. Всѣ дѣла подобнаго рода, очевидно, много зависятъ отъ личности предсѣдателя.

На этомъ считаю, въ настоящее время, необходимымъ закончить свои замѣтки о законодательствѣ, потребномъ Россіи. Отъ того, что предназначено Царскимъ манифестомъ 6 августа, надо ждать большихъ улучшений, и если чего можно опасаться, то возникновенія новыхъ особыхъ видовъ волокиты, стремящейся все перемѣшать, напримѣръ, при обсужденіи университетовъ, когда должно имѣть въ виду прежде всего судьбы истиннаго высшаго просвѣщенія, настоятельно надобнаго для „блага Россіи“ — примѣшать безпорядки, возникшіе въ университетахъ, а къ животрепещущему вопросу объ устраниеніи искусственныхъ препятствій для дальнѣйшаго развитія благосостоянія крестьянъ—обсужденіе общиннаго землевладѣнія, къ сужденію о желѣзномъ производствѣ — вопросы о покровительствѣ, казенныхъ заказахъ и т. п. Связь, какъ въ указанныхъ случаяхъ, такъ и во многомъ связузомъ несомнѣнно есть, но діалектика все путаетъ; дѣйствительность же, глася, что всего сразу никакъ не сдѣлать, требуетъ улучшений неотложныхъ, хотя бы въ определенныхъ частяхъ, показывая, что необходимость другихъ улучшений выступить явно или наступить, какъ слѣдствіе уже сдѣланнаго. Очень и очень многое въ будущемъ Россіи предопредѣлится тѣмъ, что и какъ успѣсть слѣдѣть и сдѣлать первое, въ январѣ 1906 года собирающееся, собраніе Государственной Думы. Изъ того, что она сдѣлаетъ, видно будетъ, между прочимъ, и то, насколько свойства и особенности нашей администраціи зависятъ отъ свойствъ, общихъ преобладающему большинству нашего народа, а это вопросъ первостепенный при обсужденіи административныхъ русскихъ порядковъ, къ чьему теперь же и перехожу.

II. Администрація, или власть исполнительная, говоря вообще, соответствуетъ настоящему времени, если законодательство—предстоящему, а судь—протекшему. Законодательство и судъ менѣе сложны, чѣмъ администрація, взя-

тая въ цѣломъ, и если противъ какой-либо части правительства идутъ нареканія, то преимущественно именно противъ администраціи. Основываются они, по существу своему, главнымъ образомъ, на томъ, что администрація нерѣдко присваиваетъ себѣ не только въ случаяхъ, законами не опредѣляемыхъ, но и тамъ, гдѣ законы ясны, такую часть законодательныхъ и судебныхъ функций, которая не согласна съ интересами гражданъ, а улучшеніе администраціи можетъ основаться только при возможно строгомъ раздѣленіи трехъ основныхъ или первичныхъ правительственныхъ от правленій. Раздѣленіе ихъ, однако, во множествѣ частностей еще не закончено, а въ нѣкоторыхъ частяхъ до такой степени условно, что его подробности должно непремѣнно по немногу точнѣйшимъ образомъ установить законодательнымъ путемъ, чего, по мѣнѣю моему, не надо и доказывать — по очевидности. Но и тамъ, гдѣ законченность раздѣленія правительственныхъ функций доведена до возможнаго предѣла ясности, у администраціи, кроме наблюденія за уклоненіями отъ требованій закона, остается и останется всегда много обязанностей, выясняемыхъ болѣе или менѣе произвольно, лишь по духу закона „за совѣсть“ и прямыми отношеніями отдельныхъ гражданъ къ отдельнымъ лицамъ администраціи. Для примѣра укажу на избраніе и удаленіе подчиненныхъ служащихъ, на принятіе во вниманіе частныхъ и личныхъ обстоятельствъ, на успѣшность преслѣдованія скрывающагося зла, на мѣру содѣйствія добру и т. п. Личные качества исполнителей не могутъ быть лишены доли произвола, и законодательство не можетъ охватить всѣхъ частностей. Потому отъ исполнителей въ администраціи, какъ отъ солдатъ въ арміи, нельзя требовать только свойствъ точной машины, а необходимо принимать во вниманіе и личные качества людскія. По этой причинѣ первая суть дѣла въ выборѣ служащихъ по администраціи. Эта часть дѣла разрѣшима только подборомъ лицъ, начиная съ самаго верха, а онъ, какъ далѣе постараюсь выяснить, можетъ быть хорошимъ только при организаціи единства въ администраціи. Однако, административныя дѣйствія во всякомъ случаѣ должны быть до мелочей проникнуты законностю, ибо безъ того исполнителей закона нельзѧ логически представить. Если допустить существованіе надлежавшихъ разъясненій, относящихся къ адми-

нистративнымъ дѣйствіямъ, то для „блага страны“ неизбѣжно необходимо, чтобы превышенія административной власти подлежали карѣ—по суду и только въ особо исключительныхъ, преимущественно мелочныхъ, случаяхъ карѣ дисциплинарной, т. е. исходящей отъ высшихъ органовъ самой администраціи. А для того, чтобы такой порядокъ могъ осуществляться въ дѣйствительности, необходимы, кроме законодательныхъ разъясненій, два условия: 1) судъ долженъ быть отъ самаго верха до самыхъ низшихъ ступеней совершенно отдѣленъ отъ администраціи, а для этого у насъ многое существующее надо измѣнить, начиная, мнѣ кажется, съ выдѣленія Министерства Юстиціи изъ числа обычныхъ Министерствъ и отнеся къ особому отдѣлу Сената или высшаго суда всѣ предметы этого Министерства, и 2) необходимо широко допустить и дѣйствительно примѣнять обжалованіе передъ судомъ незаконныхъ дѣйствій чиновъ администраціи не только прокурорами, но и каждымъ гражданиномъ, и не только тѣхъ, которые состоять на такъ называемой „дѣйствительной“ службѣ (пользуются чинами и пенсіями), но и тѣхъ, которые служатъ по найму и могутъ быть назначаемы иувольняемы своимъ ближайшимъ начальствомъ. Въ число этихъ постѣднихъ, по мнѣнию моему, слѣдовало бы включить всѣ должности низшаго, чисто исполнительного свойства, начиная съ помощниковъ столонаачальниковъ въ Министерствахъ. Обжалованіе незаконныхъ дѣйствій чиновъ администраціи возможно, до некоторой степени, и по современнымъ законамъ, но въ дѣйствительности мало примѣняется потому, конечно, что высшимъ сферамъ суда независимость отъ администраціи обеспечена въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ низшимъ органамъ судебной власти, а „благо общеноародное“ опредѣляется не столько высшими органами правительства, сколько неизбѣжнымъ множествомъ низшихъ. Такъ какъ жизнь первыхъ опредѣляется вторыми, то никакія улучшенія законовъ не отразятся благомъ народныхъ массъ, если въ нихъ исполнители законовъ перемѣщаются съ истинными блестителями законовъ, или пока администраціи предоставляется не только исполнять законы, но и вліять на цару за ихъ несоблюденіе. Первичный порядокъ состоялъ и, ради простоты, долженъ былъ состоять въ этомъ смѣшеніи, какъ въ первичной промышленности всегда есть смѣшеніе того, что съ ростомъ

специализациі къ общей выгодѣ—раздѣляется. Обыкновенно боятся упадка авторитета исполнителей-администраторовъ, если судебная власть изъять изъ круга администраціи, въ которой единство начала столь необходимо для успѣшности борьбы съ организованными видами зла (а такихъ осталось не мало, даже послѣ прекращенія разбойничества), но личный авторитетъ всякихъ людей, а въ томъ числѣ и администра-
торовъ, опредѣляется исключительно нравственностью и разумностію всѣхъ дѣйствій или отношеній къ окружающимъ, а безличный авторитетъ правительства только разумностію издаваемыхъ имъ законовъ и ихъ соблюдениемъ. Админи-
страторъ, не сумѣвшій пріобрѣсти личный авторитетъ и не соблюшивъ законовъ — плохъ, и если его удалять — можно ждать, на основаніи множества примѣровъ, только улучше-
ній. Но, конечно, судъ, какъ всякое людское дѣло, можетъ ошибаться, а потому его сужденія, относящіяся до законности дѣйствій администраціи, должны подлежать особымъ формамъ кассации, и вся важность предмета можетъ сильно вы-
ясняться въ отдельныхъ случаяхъ, хотя центръ тяжести лежитъ въ двухъ началахъ: подсудности администраціи и въ легкой возможности обличенія на судѣ администраціи въ незаконныхъ дѣйствіяхъ, потому что иначе законность нельзя обеспечить и сдѣлать однимъ изъ элементовъ „блага народ-
наго“. Администрація вообще и въ частности администра-
торы, дѣйствующіе законно, не могутъ страшиться суда, какъ не страшится его и всякий добрый гражданинъ, потому что судъ, въ концѣ концовъ, долженъ устраниить неправыя обвиненія и карать только при ихъ доказанности.

Но оставимъ эту хотя и важную, но не всеобъемлющую сторону административного дѣла, потому что законы, сколь бы ни были они прозорливы и разумны, не только всего предусмотрѣть не могутъ, но и пишутся, въ сущности, только ради устраненія зла, а возбуждать добра не могутъ ни при какихъ законодателяхъ. Благо же народное, ради котораго существуютъ правительства, опредѣляется прежде всего сум-
мою добра, посвященнаго, выросшаго и плоды приносящаго. Законодатели и судьи, содѣйствуя преимущественно искорененію зла, конечно содѣйствуютъ побѣдѣ добра, но только одна администрація не отрицательно, а положительно мо-
жетъ дѣйствовать въ его сторону, непопущеніемъ уклоненій

отъ закона, а содѣйствіемъ въ кругѣ свободныхъ дѣйствій гражданъ. И въ этомъ смыслѣ, какъ въ первичномъ, администраціи принадлежитъ роль исполнительная, если, какъ я старался показать въ началѣ своего изложенія, современныя правительства назначаются не только для выполненія первичныхъ функций, но и вторичныхъ, отъ которыхъ болѣе всего зависятъ въ наше время успѣхи блага народнаго.

Если же эти исходныя мои положенія ясны и будуть признаны, то изъ нихъ несомнѣнно вытекаетъ великое, опредѣляющее многія иныя отношенія, значеніе администраціи, какъ правительственноаго органа, могущаго служить распределителемъ въ народныхъ массахъ тѣхъ благихъ преднаречтаний, которыя, по существу дѣла, должны исходить отъ Верховной Власти и содержаться, хотя бы въ сокрытой или потенциальной формѣ, въ законодательствѣ. Меня не смущаетъ ни то, что обѣ этомъ предметѣ распространены мнѣнія, противоположныя высказанному, ни то, что самъ я убѣжденъ въ согласіи дѣйствительности съ этими противоположными мнѣніями для большинства (но отнюдь не для всей) администраціи, ни даже то, что мой взглядъ смахиваетъ на оптимистическую идеализацию. Не смущаюсь потому, что огульный пессимизмъ ничего жизненно-здраваго дать не можетъ, что, не ставя или не имѣя идеаловъ общихъ, въ реальныхъ частностяхъ непремѣнно должно запутаться и даже обманывать себя и другихъ, и что мои „Завѣтныя мысли“ относятся болѣе всего къ предстоящему, а въ немъ справедливо можно не только желать, но и надѣяться на администрацію, какъ важный, общему успѣху помогающей, органъ правительственной власти. Все дѣло по существу сводится къ подбору должныхъ людей, администрацію составляющихъ, къ выработкѣ законовъ, опредѣляющихъ кругъ дѣйствія исполнителей, и къ тому общему и всепроникающему, что называется нравами и опредѣляется правственностью. Составъ администраціи въ ея многоразличныхъ развѣтвленіяхъ такъ великъ, что на лицахъ администраціи отражаются все главныя народныя свойства и привычки, т. е. нравы. Корень дѣла въ выборѣ лицъ администраціи. Но здѣсь можно говорить только о верхнихъ или заправляющихъ и направляющихъ администраторахъ, т. е. главнымъ образомъ о министрахъ и губернаторахъ, потому что они

сами, выбирая подчиненныхъ и направляя ихъ дѣятельность, уже съумѣютъ придать всему вѣренному имъ дѣлу имъ самимъ принадлежащіе оттѣнки. Единство основныхъ требованій заправилъ неизбѣжно должно отразиться на единообразномъ отношеніи всей административной машины къ дѣлу выполненія законовъ. Оно отчасти кажется, что и тутъ лучше не стѣснять естественного разнообразія, потому что зла все же избѣжать невозможно ни при какихъ распорядкахъ, а при единообразіи всей администраціи, кажется, можетъ быть зло не исключительнымъ, а общимъ. Минѣ думается, что такая софистическая постановка вопроса не вѣрна потому, что обобщенное зло выступить явно предъ всѣмъ народомъ, его уже не прикроешь; оно будетъ громко говорить не только передъ судомъ, но и передъ народными представителями, которые его скоро изведутъ, и потому особенно, что такое обобщенное административное зло немыслимо — при надлежащихъ законахъ—иначе, какъ въ соединеніи, даже въ зависимой связи со зломъ въ самыхъ высшихъ административныхъ сферахъ, а онѣ, какъ высшія точки зданія, видны отовсюду, кромѣ развѣ самой внутренности зданія и очень близкихъ къ нему мѣстъ, и могутъ быть перемѣнены, не трогая самого зданія. Отстраняя фигуральность, думаю, что мысль моя станетъ уясняться, если скажу, что во главѣ администраціи обычно у насъ считается самъ Царь, дѣйствующій чрезъ министровъ; слѣдуетъ же имѣть особаго, Царемъ, конечно, поставляемаго, главу администраціи — безъ чего зло, легко возможное въ административномъ дѣлѣ, какъ вообще, такъ и по частямъ, искоренить очень трудно. Государь есть Верховный Правитель и вся администрація только извѣстная доля цѣлаго Правительства. Пороки въ администрації, всегда возможные и до крайности могущіе вредить „благу народному“, ничуть не должно, даже въ мысляхъ, относить къ недостаткамъ всего правительства, а лишь къ недостаткамъ самой администраціи. Если администрація будетъ имѣть своего Высшаго Представителя и пороки опредѣляются недостатками отдельныхъ лицъ, высший администраторъ ихъ замѣняетъ лучшими; если же вся система на дѣлѣ окажется плохою, т. е. благу народному несоответствующею, перемѣна возможна при помощи назначенія Монархомъ новаго высшаго администратора, съ иными, быть можетъ, общими или исход-

ными началами, изъ другой „партии“, какъ принято говорить на основаніи западно-европейскихъ примѣровъ парламентскихъ партій. Въ дѣлахъ людскихъ абсолютное совершенство обеспечить невозможно, но приближаться къ нему должно постепенно, чего и можно достигнуть не иначе, какъ въ соединеніи двухъ приемовъ: гипотезъ и опытовъ. Гипотезы — это „партии“, опыты — это исполнители въ дѣлахъ административныхъ. Не ладная гипотеза дастъ и не ладный опытъ, а не ладное для всего совершенствованія необходимо замѣнять пригоднымъ. Пригодное можно и должно твердо узаконить, но сомнѣній и недоразумѣній все же остается множество, всего рѣшить и направить въ должную благую сторону нельзя, и вотъ для этого-то сонма сомнѣній и недоразумѣній нужна администрація съ опредѣленными, сознанными „партийными“ гипотезами или съ системою, цѣлями и приемами. Попробовавъ ихъ на дѣлѣ, она сама можетъ сознать свою ошибочность, тогда и уйдетъ отъ дѣла, а если не сознаетъ сама, а окажется по результатамъ не пригодною — ее удалять и перейдутъ къ иному, напримѣръ отъ застращивания и репрессий къ снисходительности и содѣйствию, отъ классицизма къ реализму, где они еще не узаконены, отъ системы „золотой валюты“ къ кредитной, отъ юдофобства къ юдофильству и т. п. Рѣшать абсолютно будстъ жизнь и дѣйствительность, и всякая система рѣшеній, заранѣе готовыхъ, на дѣлѣ можетъ быть зломъ, жизнь же можетъ привести и компромиссовъ, и среднихъ мѣръ, подготовки и послѣдовательности. Если признается необходимымъ и самые законы измѣнять, то тѣмъ паче надо имѣть возможность легко смѣнить отношеніе исполнителей къ тому, что остается еще невыясненнымъ для законодателей и для чего назначены исполнители или администраторы, должностную привилегиа не одинъ буквы, но и духъ законовъ. Только не искушившійся въ жизни и въ приложеніи „системъ“ можетъ думать, что у него есть ключъ къ рѣшенію всего. Не только его еще неѣть у кого-либо въ рукахъ, но онъ помѣщенъ такъ высоко и далеко, что подбираться къ нему люди могутъ лишь осторожно, путемъ постепеновскимъ, индуктивно-опытнымъ. Въ дѣлѣ правительства путь этотъ до сихъ поръ цѣльне всего выразился въ установлениі единства администраціи, осуществляемомъ во главѣ министровъ или Первомъ Ми-

нистрѣ, или въ томъ, что у насть подразумѣвается обыкно-
венно подъ именемъ Канцлера, какъ для краткости я его и
буду далѣе называть. Его главнѣйшее право виѣшнее — под-
бирать себѣ министровъ, вѣдающихъ отдельныя части адми-
нистраціи, а право внутреннее — держаться опредѣленной
системы. Его главнѣйшую, какъ бы виѣшнюю обязанность
составляетъ направление всѣхъ частей администраціи къ
„благу народному“, а обязанность внутреннюю — удаляться,
если принятая имъ система окажется на дѣлѣ худою. У насть
и въ наше время, конечно, какъ Канцлеръ, такъ и министры,
имъ предлагаемые, не только должны избираться и утвер-
ждаться, какъ повсюду, Государемъ, но и должны слѣдо-
вать исключительно за Его указаніями; прямой связи съ
Государственною Думою у нихъ не будетъ, но косвенная
при посредствѣ Царя съ народомъ явится непремѣнно, а
такая связь, по мнѣ, лучше всякой непосредственной, прямо
согласованной съ преобладающею партіею народныхъ пред-
ставителей. Устойчивость Верховнаго Правителя въ настоя-
щемъ и предстоящемъ опредѣлится опорою на три высшихъ
учрежденія: Государственную Думу, Государственный Со-
вѣтъ и Канцлера съ министрами. Опора первая, должно
надѣяться, будетъ тверда народнымъ избраніемъ и опытомъ
современнымъ, опора вторая — разнообразіемъ личныхъ на-
правленій, прошлымъ опытомъ провѣрявшихся, и независи-
мостію положеній; третья же опора, по существу, можетъ
быть шаткою, но ее легко замѣнить новою, въ которой
можно ждать всей желаемой прочности. Скажу яснѣе или
прямѣе: практически-благія начинанія Правительства най-
дутъ при предлагаемомъ строѣ скорое осуществленіе, по
крайней мѣрѣ со стороны двухъ важнѣйшихъ органовъ Пра-
вительства, а все то непрактическое или вредное „благу
народному“, что можетъ прорваться въ жизнь и ея админи-
страцію, не только заявится народными представителями, но
и послужитъ — прямо или косвенно — къ смѣнѣ Канцлера и
министровъ и затѣмъ, конечно, поправится или отмѣнится.

Единство исполнительной власти, выражющееся въ уста-
новленіи должности Канцлера, считается мною однимъ изъ
первѣйшихъ условій возможности устраненія многихъ явныхъ
недостатковъ существующаго у насть строя даже по той
причинѣ, что нынѣ, когда всѣ министры и министерства лишь

съ формальной стороны связаны въ Комитетъ Министровъ, а въ существѣ вполнѣ независимы другъ оть друга, въ администраціи повсюду, т. е. на всѣхъ ступеняхъ, идутъ и дѣйствуютъ разнорѣчивыя начала во всемъ томъ, что еще не окрѣпло, и особенно въ томъ, что требуетъ оть администраціи не отрицательныхъ (карательныхъ), а положительныхъ (содѣйствующихъ) мѣропріятій, такъ какъ въ практикѣ раздѣлить министерства необходимо, а въ жизни главнѣйшія дѣла, особенно прогрессивно-новыя, столь сложны, что касаются многихъ министерствъ, а каждое чувствуетъ себя независимо, точно особая государства въ единомъ общемъ. Примѣры на каждомъ шагу и, конечно, извѣстны всякому изъ насъ. Выдающимся примѣромъ служатъ дѣла того промышленного развитія, которое должно опредѣлить судьбы экономического роста Россіи и всего благосостоянія его жителей. Министерство Финансовъ, особенно со временеми И. А. Вышнеградскаго, приложило много усилий къ содѣйствію его успешному ходу и росту, но дѣла этого рода только одною частью своею зависятъ оть этого министерства, а многое зависятъ въ своемъ теченіи оть Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ, Путей Сообщенія, Государственныхъ Имуществъ и др. Въ подробностяхъ и частностяхъ это сказывается рѣзко, напримѣръ жѣлезно-стальные заводы, ведущіе все дѣло до передѣлки съ добычи чугуна изъ рудъ, должны держаться инструкцій и инспекторскихъ указаний Горнаго Вѣдомства, долго причислявшагося къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, а тѣ, въ которыхъ ведется тоже самое дѣло начиная съ чугуна, цѣликомъ подчинены Министерству Финансовъ, порядки же въ обоихъ Министерствахъ разные. Порядки и правила для устройства и веденія всѣхъ фабрично-заводскихъ производствъ составляются въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ преимущественно подъ угломъ зреінія вредности ихъ всѣхъ, что прямо противорѣчитъ съ точкою отправленія Министерства Финансовъ. Кой какъ въ жизни приходится выдѣбать, но успѣшности въ движеніи самыхъ благихъ и взвѣшеннѣхъ предначертаній Правительства нельзя ждать, пока не наступитъ съ единствомъ администраціи и Канцлеромъ реальной и явно согласованной, стройной зависимости всѣхъ министровъ и министерствъ. При ней, безъ всякаго сомнѣнія, сбудеть и добрая половина письмен-

наго производства, начиная отъ министерствъ до послѣднихъ развѣтвленій администраціи, потому что уйдутъ „пререканія, сношенія и согласованіе дѣйствій“, занимающіе теперь много силъ всѣхъ „канцелярій“.

Стоя во главѣ администраціи и снабженный правомъ подбирать себѣ министровъ, Канцлеръ можетъ соблюдать желаемое и ему обязательное или отвѣтственное единство лишь при обозначеніи ему и тѣсно съ нимъ связаннымъ министрамъ суммы правъ, которая могутъ опредѣлиться только при тщательномъ пересмотрѣ „Устава о службѣ“, какъ гражданской, такъ и военной. Уставы эти явно устрѣли и во множествѣ частей совершенно не соотвѣтствуютъ тому, что надобно современной Россіи. Будучи убѣжденымъ постепеновцемъ, хотя я и полагаю, что чины и особенно принципъ „выслуги лѣтъ“—не для пенсій, гдѣ онъ неизбѣжно необходимъ на началахъ страхованія, а для производствъ и повышеній — необходимо въ корнѣ измѣнить, но полагаю, что сдѣлать это можно и должно лишь съ осторожностью и постепенностю, поставивъ на то мѣсто исключительное начало личныхъ заслугъ и способностей. Вѣдь дѣло касается большого количества, какъ бы то ни было, однихъ изъ лучшихъ, интеллигентѣйшихъ людей нашей страны. У насъ все, начиная съ высшихъ учебныхъ заведеній, приноровлено къ тому, чтобы привлечь къ службѣ по отраслямъ администраціи этихъ лучшихъ людей, и по сихъ поръ прочная, хоть и не особенно казистая, обеспеченность жизненной обстановки интеллигентовъ существуетъ только для лицъ служилаго сословія, и отъ него ведеть начало большинство не только дворянства, но и нашей немногочисленной аристократіи. Самое важное—для будущихъ судебъ Россіи—открыть несомнѣнно и быстро прибывающей интеллигенціи прочный путь въ промышленности, которая тѣмъ и важна, что даетъ обеспеченные достатки не только низшимъ слоямъ народныхъ массъ, но и образованной ея части—всякихъ степеней—какъ становится очевиднымъ изъ статистическихъ данныхъ, сообщенныхъ выше (стр. 190) для Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ общий средній годовой окладъ техниковъ, надсмотрщиковъ, конторщиковъ, бухгалтеровъ и т. п. фабрично-заводскихъ служащихъ доходитъ до 1800 рублей, что далеко превышаетъ общіе средніе казенно-служебные наши

оклады, принимая во внимание кучи чиновъ канцелярій. Думаю даже, что, избирая именно для нихъ лишь наиболѣе подходящихъ и увеличивая ихъ оклады на счетъ числа лицъ, можно получить не только улучшеніе администраціи, но, пожалуй, и экономію, хотя въ такихъ отвѣтственно-дѣятельныхъ должностяхъ, каковы полицейскія, очевидна не только необходимость въ увеличеніи окладовъ, но и въ числѣ лицъ, такъ какъ во всемъ образованномъ мірѣ имѣется, особенно по городамъ, число чиновъ полиціи, увы, въ нѣсколько разъ превосходящее то, что существуетъ у насъ, если за исходъ взять число жителей. Все это надобно сперва привести въ полную, числовую и сравнительную съ другими странами, ясность, изучить и обсудить раньше, чѣмъ ломать существующее и строить планъ будущаго, и если я заговорилъ объ этомъ, то лишь по той причинѣ, что столь необходимое Канцлерство непремѣнно приведетъ къ пересмотру всѣхъ нашихъ служебныхъ уставовъ, а безъ этого, однимъ усовершенствованіемъ законодательства, нельзя надѣяться на оживленіе самостоятельной народной дѣятельности, безъ которой успѣхи страны немыслимы и до энергического возбужденія которой если не первый назначенный Канцлеръ, то его преемники неизбѣжно додумаются и такъ направить администрацію, чтобы она ей всемѣрно помогла. Безъ должнаго подбора лицъ, сколько либо административно-самостоятельныхъ, и безъ предоставленія имъ права подбирать себѣ какъ временныхъ, такъ и постоянныхъ сотрудниковъ и помощниковъ, мнѣ кажется, тутъ ничего послѣдовательного и прочнаго сдѣлать невозможно. Чтобы показать возможность совершенно иныхъ, чѣмъ у насъ господствующіе, порядковъ административнаго подбора, надо узнать положеніе этого предмета въ С.-А. С. Штатахъ, но я считаю неумѣстнымъ описывать его во всей полнотѣ, а приведу лишь то, что лично меня поразило въ 1876 году, когда одинъ влиятельный знатокъ показывалъ мнѣ недавно устроенное зданіе Министерства Финансовъ въ Вашингтонѣ, гдѣ сосредоточена и большая счетно-контрольная работа, поручаемая определенному числу начальниковъ отдѣловъ, которымъ, сообразно съ количествомъ и качествомъ дѣлъ, назначаются определенные суммы на приглашеніе или наемъ подчиненныхъ исполнителей, предоставляя право приглашать, кого каждый хо-

четь, на определенный рядок окладовъ, съ правомъ повышать ихъ или понижать — лишь бы не выходить изъ назначенной сметою суммы. Подходимъ къ одному изъ такихъ отдѣловъ, и мой руководитель, улыбаясь, совѣтовалъ мнѣ обратить вниманіе на то, что начальникъ отдѣла любитъ хорошеныхъ дамъ и даетъ у себя места только такимъ. И действительно тамъ были большие ряды красавицъ на подборъ. Чрезъ нѣсколько времени меня опять остановилъ мой руководитель предъ дверью одного изъ отдѣловъ, сказавъ, что и въ этомъ отдѣлѣ начальникъ его считаетъ женскій трудъ болѣе подходящимъ, но „жена у него очень ревнива, а потому принимаются только старухи и уроды“, что и увидѣль въ действительности, проходя опять между рядами столовъ, за которыми работали надъ счетами исключительно дамы.

По моему мнѣнію, тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься, когда желательно достигнуть возможной простоты, экономности, цѣльности и успѣшности въ чрезвычайно сложныхъ административныхъ работахъ.

Между ними есть два разряда чрезвычайно важныхъ для центровъ администраціи, т. е., по нашему предположенію, для Канцлера и министровъ. Это, во-первыхъ, составленіе законодательныхъ предложеній, исходящихъ отъ министровъ и Канцлера и поступающихъ въ законодательныя учрежденія, и, во-вторыхъ, собраніе и изданіе статистическихъ данныхъ, освѣщающихъ текущее положеніе всѣхъ главнѣйшихъ дѣлъ страны. Администраторамъ такъ много частныхъ дѣлъ, что трудно отдаваться двумъ указаннымъ предметамъ, тѣмъ болѣе, что они требуютъ чрезвычайно строгой послѣдовательности и нерѣдко чисто специальныхъ и разностороннихъ свѣдѣній, а безъ ихъ выполненія — хорошо администрировать невозможно. Для этого пополненія пробѣла мнѣ кажется необходимымъ при Канцлерѣ, т. е. для совокупности всѣхъ министерствъ, учредить, во-первыхъ, Канцлерскій Совѣтъ, а во-вторыхъ — Главный Статистический Комитетъ. Оба учрежденія, новые по своему существу, вѣроятно не потребуютъ много новыхъ средствъ, потому что Совѣтъ можетъ быть образованъ изъ совокупности членовъ совѣтовъ, состоящихъ при отдѣльныхъ министерствахъ, включая туда Военное и Морское, а Комитетъ изъ совокупности Центрального Статистического Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и руко-

водительныхъ частей статистическихъ отдѣленій, состоящихъ по многимъ Департаментамъ и Министерствамъ. Совокупленіе разрозненныхъ силъ въ цѣлостныхъ учрежденіяхъ съ явными задачами, должно, по моему мнѣнію, много улучшить ходъ большого числа административныхъ дѣлъ. При смѣнѣ Канцлера и министровъ оба указанныя учрежденія, сохранившись въ своемъ составѣ, образуютъ реальную связь прошлаго съ наступающимъ, что вполнѣ необходимо для сохраненія за администрацію влиятельнѣйшаго положенія. А такъ какъ оба указанныя учрежденія будутъ имѣть значеніе лишь помощи Канцлеру и, очевидно, будутъ освѣдомлены о томъ, что администрація дѣлала за послѣднее время и чѣмъ или какъ въ жизни отозвались какъ законы, такъ и дѣйствія или распоряженія администраціи, то Канцлеръ получитъ въ указанныхъ учрежденіяхъ драгоцѣннѣйшія указанія для правильного направленія дѣятельности всей администраціи и можетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ руководителемъ скорыхъ улучшеній всего народнаго прогресса.

Канцлерскій Совѣтъ, составленный, какъ современные Совѣты при министрахъ, изъ испытанныхъ службою, т. е. опытнѣйшихъ лицъ по всѣмъ отраслямъ управлений, по моему мнѣнію, много выиграетъ въ своемъ значеніи и можетъ принести еще большую пользу дѣламъ Канцлерства, если будетъ съ одной стороны пополненъ двумя или тремя назначаемыми на опредѣленные сроки отъ Сената его членами и тремя лицами, назначаемыми отъ Академіи Наукъ и университетовъ С.-Петербургскаго и Московскаго на годъ, а съ другой стороны временно будетъ, по указанію Канцлера, пополняться, для обсужденія опредѣленныхъ дѣлъ, приглашаемыми знатоками. Способами этими и командировкою для пополненія недостающихъ свѣдѣній соотвѣтственныхъ лицъ Канцлеръ будетъ поставленъ въ извѣстность о многомъ, что легко можетъ иначе ускользнуть отъ его вниманія, и практическая компетентность состоящаго при немъ Совѣта навѣрное возрастетъ. Совѣтъ этотъ, предсѣдательствуемый однимъ изъ членовъ, назначаемыхъ Канцлеромъ, долженъ прежде и болѣе всего заняться разработкою законопроектовъ, поступающихъ отъ министровъ, согласованіемъ дѣйствій разныхъ министерствъ и разборомъ особенностей или отношеній разныхъ краевъ государства къ общему цѣлому,

а затѣмъ разработкою всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые поручить ему Канцлеръ, для котораго значеніе постановлений Совѣта можетъ ограничиться лишь подготовительнымъ, но, конечно, можетъ быть и опредѣляющимъ, смотря по личному усмотрѣнію Канцлера, въ помощь которому и назначается вся дѣятельность Совѣта.

Объединяющее значеніе Канцлера должно много выиграть въ силѣ и практическомъ значеніи, если онъ будетъ имѣть возможность опереться не только на большее или меньшее согласіе основныхъ, такъ сказать, теоретическихъ началь главныхъ руководителей администраціи, но и на возможно точныя и современныя численныя данныя статистики, показывающей числами рядъ тѣхъ дѣлъ народныхъ, въ которыхъ выражается „благо народное“. Сюда относятся числа, касающіяся числа жителей, ихъ распределенія по мѣстностямъ, по степени образованія, занятіямъ, семейственности и т. п., ихъ оборотовъ въ видѣ расходовъ на правительство, на услуги и на покупные товары и въ видѣ приходовъ отъ трудовыхъ оборотовъ всякаго рода, начиная съ промышленности всѣхъ видовъ, отъ услугъ и отъ запаса, заранѣе скопленнаго и отложенаго, т. е. отъ того, что называется капиталомъ. Для того-то три первыя главы этой книги и посвящены своду нѣкоторыхъ статистическихъ чиселъ, что въ нихъ лучше, чѣмъ въ чемъ либо иномъ, выражаются условія относительно развитія „блага народнаго“. Конечно „внутреннаго нравственнаго совершенствованія отдѣльныхъ лицъ“, въ чемъ одномъ инымъ представляется возможность „улучшенія общественной жизни“, статистика показать числами непосредственно не можетъ, но то, для чего это назначается, т. е. направленіе роста „общественной жизни“—въ силахъ, и по нимъ судить можно уже о ростѣ, неподвижности или упадкѣ „блага народнаго“, потому что жизнь общественная выражается въ сношеніяхъ и отношеніяхъ взаимностей всякаго рода, начиная съ мѣны и прироста числа жителей до подсчета числа учащихся или численнаго отношенія лицъ разныхъ жизненныхъ профессій или занятій. Ясность самопознанія администраціи и общаго пониманія положенія вещей много выиграетъ, если Главный Статистический Комитетъ систематически и безъ замедленій будетъ публиковать результаты всѣхъ многочисленныхъ уже у насъ разслѣдований

и подсчетовъ, касающихся мѣстной и общегосударственной жизни, если онъ будетъ содѣйствовать улучшенню и дополненію такихъ статистическихъ свѣдѣній и въ дѣлѣ чередо-выхъ общихъ народныхъ переписей послѣдуетъ и превзойдетъ С. А. С. Штаты. Для того, чтобы въ дѣлахъ Главнаго Статистического Комитета было сколь возможно болѣе точнаго соотвѣтствія съ дѣйствительностью, не только должно снабдить его надлежащими денежными средствами, но и вѣрить управлѣніе имъ лицу съ научнымъ именемъ и достаточнымъ жизненнымъ опытомъ, съ рядомъ помощниковъ изъ числа испытанныхъ статистиковъ и изъ лицъ, стремя-щихся отиться этому дѣлу простой правды и точности. Работы, даже для улучшения общихъ переписей, особенно при объединеніи и надзорѣ за собираниемъ мѣстныхъ данныхъ, при сравненіи съ данными другихъ странъ и для удовлетвори-тельныхъ и скорыхъ отвѣтовъ на запросъ Канцлера, будетъ такъ много, что средства, потребныя для этого учрежденія, не должны быть малыми, но они окунятся съ избыткомъ, по-тому что помогутъ слѣдить за состояніемъ всего народнаго организма. Связь дѣль Государственной Думы и этого Ко-митета такъ велика и очевидна, что, во-первыхъ, обѣщаетъ обоюдное сближеніе и, во-вторыхъ, посодѣйствуетъ жела-емому сближенію усилий Думы и Канцлера. Сказанное здѣсь и на стр. 345 выясняетъ, думаю, достаточно, мои мысли о Главномъ Статистическомъ Комитѣ.

По отношенію къ администрації мнѣ слѣдуетъ для полноты высказаться о раздѣленіи министерствъ, о мѣстномъ управ-лении областей, губерній и ихъ частей и о годовомъ бюджетѣ государства. Но я тутъ буду особо кратокъ. По отношенію къ дѣленію министерствъ это опредѣляется тѣмъ, что о нѣкото-рыхъ изъ нихъ предполагаю говорить дальше, въ особенности о министерствѣ промышленности, а при объединеніи всѣхъ ми-нистерствъ въ Канцлерѣ, упомянутомъ выше, вовсе не особо важно отнесеніе дѣль къ тому или иному министерству. По отношенію къ мѣстному управлѣнію губерній и ихъ частей въ совокупности, скажу только, что теоретически склоняюсь къ возможному расширенію мѣстной самостоятельности, но о мѣрѣ и послѣдовательности преобразованій и надобно-стей, сюда относящихся, признаюсь, у меня не сложилось опре-дѣленныхъ и ждущихъ выраженія пожеланій, а потому пред-

почитаю не распространяться объ этомъ предметѣ, будучи увѣренъ въ томъ, что въ Государственной Думѣ будетъ большинство, которое съ должною осторожностю приступить къ вопросамъ, сюда относящимся, тѣмъ болѣе, что преобла дающее большинство русскихъ людей легко можетъ усмот рѣть замашки сепаративныхъ стремлений во всемъ томъ, что превзойдетъ первыя, всѣми желаемыя мѣры для развитія самостоятельности мѣстнаго управления. Скажу при этомъ откровенно, что зарвавшись сразу далеко въ требованіяхъ, касающихся мѣстной автономіи, не практическіе теоретики могутъ не только ничего не достичь, но и надолго повредить дѣлу развитія освободительныхъ реформъ, эпоха которыхъ явно наступила. Скажу далѣе, какъ постепеновецъ, что ждать много добра можно отъ эволюціонныхъ измѣненій, а никакъ не отъ революціонныхъ, всегда и неизбѣжно со зломъ и вся кими случайностями сопряженныхъ. Почти такія же, какъ выше, замѣчанія долженъ сдѣлать и по отношенію къ доходамъ и расходамъ государственнымъ. Несомнѣнно, что тутъ и можно, и должно сдѣлать многое, но слѣдуетъ идти въ измѣненіяхъ осторожно и постепенно. Для меня очень желательно въ отвлечениі будущаго прогрессивное подоходное обложеніе, но въ нашей реальности на ближайшее время отъ его примѣненія я жду только зла и обмана. Зло произойдетъ отъ того, что намъ для развитія благосостоянія особо необходимо развитіе промышленной предпріимчивости, а она нынѣ не можетъ обходиться безъ проявленныхъ и приложенныхъ большихъ капиталовъ и своихъ доходовъ. Ихъ надо всемѣрно привлекать, а не страшить возрастающими обложеніями. Облагать прогрессивно полезно быть можетъ только капиталъ пассивный, т. е. денежный и во всякихъ доходныхъ бумагахъ, что уже отчасти дѣлается, а всякий капиталъ, приложенный къ дѣлу, къ торговлѣ ли, землѣ ли, или промышленности, облагать прогрессивно, значитъ задерживать ростъ промышленности. Расчетъ сколько либо правильно доходъ, выдѣля изъ него расходъ, невозможно, а валовой доходъ (безъ вычета уплатъ) столь часто сопрягается съ малымъ чистымъ доходомъ или прибылью, особенно для дѣлъ начинаяемыхъ, что исчисленіе одного валового дохода было бы зломъ несправедливости, задерживающей добро экономического роста Россіи. Обманъ при подоходномъ обложе-

ніи, несомнѣнно, особенно въ такихъ условіяхъ, какъ наши, легко возможенъ въ крупныхъ размѣрахъ, а обманщикамъ не слѣдуетъ выдавать завѣдомыхъ премій. Добрые люди при подоходномъ обложеніи особенно зарята на явные крупные оклады, преимущественно казенные. Но кому же не извѣстно, что у насъ оклады жалованій, взятые въ общемъ цѣломъ и по частямъ, ниже чѣмъ гдѣ нибудь, и если ихъ не увеличиваются, то косвенно вводится налогъ, потому что плюсы одной стороны становятся для другой минусами и обратно. Тѣ, у насъ многочисленные, защитники подоходнаго налога, которые желаютъ его усиленія (считая обложение городскихъ домовъ, квартиръ, купоновъ и акціонерныхъ предпріятій—началомъ подоходнаго налога) ради сбавки „косвенныхъ“ преимущественно акцизныхъ доходовъ, все же ближе къ постепеновскому способу дѣйствія, но тѣ, которые обложение спирта или сахара считаютъ полезнымъ совершенно уничтожить или довести до такого же ничтожнаго размѣра, какой существуетъ (и правильно), напримѣръ, для ситца или гвоздей, не указываютъ источниковъ возмѣщенія¹⁾ и упускаютъ изъ виду, что возвышеніе отъ акциза цѣны такихъ товаровъ, какъ спиртъ и сахаръ, имѣеть совершенно иной смыслъ, чѣмъ обложение соли, потому что безъ послѣдней никто обойтись не можетъ, а безъ сахара, особенно же спирта, обходятся многіе и своего рода подоходное обложение въ нихъ содержится. Изъ косвенныхъ обложеній, по моему мнѣнію, всего нерациональнѣе обложение нефтяныхъ продуктовъ, но я не стою за уничтоженіе и этого обложенія, а только за его пониженіе и вообще полагаю, что косвенные обложения слѣдуетъ пересмотрѣть въ подробностяхъ, но сохранить какъ такой основной видъ обложенія, къ которому народъ привыкъ и который нынѣ у насъ едва ли возможно — по размѣрамъ — замѣнить какимъ либо инымъ.

III. Судъ, составляя третью изъ первичныхъ функций правительства, какъ повсюду, такъ и у насъ, послѣ введенія суда присяжныхъ, возбуждаетъ наименѣе существенныхъ общихъ разнорѣчій, и по отношенію къ нему, отчасти по

¹⁾ Упомяну однако, но больше для курьеза, что въ одной изъ недавно вышедшихъ брошюръ предложено акцизъ съ водки замѣнить у насъ налогомъ на мясо, потому де, что вредность его для здоровья научно доказана. Толкованія тутъ излишни.

указанной причинѣ, мнѣ нѣтъ надобности долго останавливаться, тѣмъ болѣе, что даже такія, въ глаза бросающіяся требования судебнаго свойства, какъ „непротивленіе злу“, повсюду, сколько я знаю, у насъ разбираются исключительно лишь съ теоретической стороны, безъ настоянія на немедленномъ осуществлѣніи. Становится это понятнымъ только тогда, когда вспомнишь, что судить „съ плеча“ и осудить „гуртомъ“ не только дѣйствія, но и мнѣнія свойственно такому количеству людей, какого не подыскать для терпѣливаго обсужденія, а тѣмъ паче для одобренія и содѣйствія.

По отношенію къ правительенному суду разныхъ формъ и порядковъ въ моихъ „Завѣтныхъ мысляхъ“ болѣе всего выдѣляются слѣдующія пять пожеланій: 1) судебное вѣдомство желательно совершенно обособить отъ остальной администраціи, о чемъ упомянуто уже выше; 2) для всѣхъ сословій и состояній, въ томъ числѣ для крестьянъ и служащихъ на коронной службѣ, принципіально желателенъ одинъ и тотъ же судъ; 3) для разбора мелкихъ споровъ или гражданскихъ несогласій, для суда по мелкимъ проступкамъ и для разбора мелкихъ жалобъ на незаконныя дѣйствія чиновъ администраціи желательно повсемѣстное распространеніе и развитіе мирового суда; 4) желательно, чтобы въ сужденіяхъ по преступленіямъ и проступкамъ важнѣйшее мѣсто занимали произведенныя дѣйствія, а не побужденія, слова же или рѣчи, а въ томъ числѣ и печатное слово, карались бы только тогда, когда они содержать личныя оскорблѣнія и неосновательныя обвиненія въ дѣйствіяхъ, запрещаемыхъ законами, и 5) желательно, чтобы суды всѣхъ степеней были не смѣняемы лицами и учрежденіями, ихъ назначающими, но могли быть смѣняемы или по обвиненію въ незаконныхъ дѣйствіяхъ, или по приговору Сената, члены котораго назначались бы Высочайшею Властью изъ трехъ на каждое мѣсто кандидатовъ, представляемыхъ Сенатомъ и баллотируемыхъ въ немъ и въ Государственномъ Совѣтѣ изъ числа лицъ, предложенныхъ въ обоихъ этихъ учрежденіяхъ. Полагаю, что надъ мотивами выраженныхъ пожеланій нѣтъ надобности особо останавливаться для ихъ выясненія.

Высказавшись по отношенію къ тремъ первичнымъ правительеннымъ отправленіямъ, перейду теперь ко вторичнымъ.

считаемъ мною за наиболѣе сложныя, новыя и трудныя. Послѣднее потому, что уединенное Государство Тюнена, которое еще можно было вообразить въ прошломъ, даже для начальныхъ эпохъ Греціи, Рима и Китая, нынѣ представить себѣ уже нельзя, а можно вообразить государство съ законодательствомъ, столь совершеннымъ, и жителями, столь усвоившими и проникнутыми благими законами, что ни законодателямъ, ни администраторамъ, ни судьямъ не будетъ дѣль; и все же зло и добро можетъ приходить изъ внѣ, и отъ первого надо оградить, а второе надо развивать внутри, чтобы сохранить свою страну въ ея относительномъ состояніи ко всему роду человѣческому, иначе будетъ то-же, что произошло съ Китаемъ и Японіею, когда они считали себя уединенными Государствами. Если первичныя функции правительства (законодательство, администрація и судъ) опредѣляются стремленіемъ оградиться отъ злыхъ дѣйствій своихъ согражданъ и дать перевѣсь (не одно равенство, а перевѣсь) добрымъ, то вторичные функции правительства (охрана внѣшняя, заботы о просвѣщеніи и содѣйствіе экономическому преуспѣянію) опредѣляются существованіемъ зла и добра внѣ своей страны, во всемъ человѣчествѣ, и его высшимъ стремленіемъ къ преуспѣянію или прогрессу. Добрымъ сыномъ своей страны быть нынѣ уже нельзя, имѣя въ виду лишь первичные потребности страны, первичныя функции своего правительства, и добрымъ правительствамъ уже нельзя нынѣ не принимать въ первѣйшее вниманіе того, что совершается вокругъ своей страны, потому что никакія стѣны и никакія таможни или запрещенія не могутъ оградить отъ напора внѣшнихъ силъ, вооруженныхъ орудіями, не имѣющими въ своей странѣ, будь они въ видѣ ружей, пушекъ или въ видѣ просвѣщенія и промышленности или учрежденій и порядковъ. Это пути исторіи, это способы объединенія человѣчества; государства — только станціи этого пути, а „благо народное“ нынѣ уже немыслимо помимо общечеловѣческаго, для котораго отдѣльное лицо въ одно и то-же время — какъ это ни покажется невѣрнымъ рационалистамъ, особенно юнымъ — и цѣль и средство, и все и ничто. Понимая всю трудность яснаго, но въ то-же время и краткаго изложенія своихъ мыслей о современныхъ вторичныхъ потребностяхъ своей страны, я все же не уклонюсь отъ предмета, потому что очень давно почитаю его важнѣй-

шимъ и, зная, что вторичное много зависитъ отъ первичнаго, полагаю, что у нась, при существующихъ задаткахъ народа, совершенствование вторичнаго понимается народомъ живѣе первичнаго, его опредѣлить скорѣе и вѣрнѣе и само по себѣ для всѣхъ нась, для всего „блага народнаго“ вліятельнѣе и настоятельнѣе. Да при томъ и соглашеніе возрѣній разныхъ оттѣнковъ въ одно единодушное желаніе даже для крайнихъ партій, въ отношеніи къ вторичнымъ функциямъ правительства, легче достичимо, чѣмъ въ чёмъ либо иномъ, т. е. томъ первичномъ, на чёмъ ломались болѣе всего древнія царства. Читайте лирическую драму „Два міра“, которую покойный другъ А. Н. Майковъ писалъ для своихъ современниковъ, и въ этихъ образахъ много лучше, чѣмъ въ моихъ систематическихъ соображеніяхъ, вы почувствуете причину гибели латинско-классического міра отъ недостатка однихъ первичныхъ правительственныйхъ отправленій, соединенныхъ съ сильнѣйшими воинско-охранительными. Разума и рационализма, блестящаго прошлаго и всякой современной гордости, силы воинской и даже внѣшняго порядка, соединенного со снисходительной „порядочностью“, оказалось и всегда будетъ оказываться мало для народа, перешедшаго извѣстную грань историческаго возраста, ту грань, которую Россія перешла въ послѣдней половинѣ XIX столѣтія. Широкое слово „любовь“, относясь исключительно къ отдѣльнымъ лицамъ, становится неяснымъ и даже непонятнымъ, когда рѣчь идетъ о такихъ высшихъ правительственныйхъ отправленіяхъ, каковы заботы о просвѣщеніи юношества и о экономическихъ нуждахъ средняго жителя страны. Одно устраненіе препятствій отнюдь тутъ недостаточно, потому что стремленіе какъ къ общему просвѣщенію, такъ и къ общему экономическому благоустройству, во-первыхъ, вовсе не опредѣляется одними личными инстинктами, вызывающими лишь превосходство однихъ надъ другими и „контрактное“ (взаимообязательное) соглашеніе, а никакъ не общий строй дѣлъ этого рода; во-вторыхъ, вліяніе дѣлъ этихъ на „общее благо“ становится понятнымъ лишь съ той высоты, на которую должны подниматься современные правительства, а въ частной жизни скрадывается или даже доводится до желанія „опроститься“ опять до крестьянства и, въ третьихъ, отдѣльные усилия тутъ ничего сдѣлать не могутъ. Цѣль всей этой книги сво-

дится къ уразумѣнію того, что современное „благо народное“ опредѣляется не столько „правами гражданъ“ (поймите, что я за нихъ, а не противъ), сколько пониманіемъ значенія и усилиями для развитія просвѣщенія и промышленности. Единство и все значеніе правительства, какъ высшаго людскаго изобрѣтенія, не можетъ быть правильно понятымъ безъ уразумѣнія того, что у правительства есть вторичныя функции. Оттого онѣ выдѣлены мною особо и явно. Латынь до этого еще не додумалась, а „здравому уму“ русскихъ людей, думается мнѣ, охватить это легко. Тогда и на трудъ, и на всякия обязанности, изъ правъ вытекающія, и на „порядокъ“, и на „Contract sociale“ получается новая и ясная точка зрењія, даже на исторію. Въ томъ, что названо выше вторичными отправленіями, между Царемъ и народомъ, между простымъ современнымъ крестьяниномъ и сколько либо со-знателнымъ интеллигентомъ, не зараженнымъ латинскими предразсудками, уже теперь, навѣрно, есть основное единомысліе, а „благо народное“ безъ него невозможно. Тутъ и содержится надлежащій исходъ.

IV. Охрана вицѣния состоить изъ сношеній съ иностранными правительствами и государственной обороны, морской и сухопутной, и въ составѣ Правительства выражается министерствами: Иностранныхъ Дѣлъ, Военныхъ и Морскихъ. О министерствахъ тѣхъ у меня нѣтъ другихъ „Завѣтныхъ мыслей“, кромѣ той, что они должны войти въ строй всѣхъ другихъ министерствъ, т. е. въ тѣсную общую связь при помощи Канцлера и подлежать законамъ, проходящимъ чрезъ Государственную Луму и Государственный Совѣтъ, хотя бы послѣ специального разбора въ Военномъ Совѣтѣ и Адмиралтействъ-Совѣтѣ, которые чрезъ соотвѣтственныхъ министровъ должны быть въ своей зависимости отъ Канцлера и Совѣта при немъ, предполагаемаго мною. Такъ должно быть по существу и, отчасти, по примѣрамъ, и я не считаю надобнымъ вновь доказывать надобность и великую пользу общаго административнаго единства.

Иностранныя сношения не состоять только изъ дипломатическаго представительства, обставленного нотами, церемоніями, развѣдками и интригами, какъ бывало прежде и для чего нужно было обладать преимущественно такою совокупностью свойствъ, которая приписывается „дипломатамъ“ по

преимуществу, но нынѣ сводятся главнымъ образомъ на за-щиту частныхъ интересовъ подданныхъ своей державы и на возможно точное опредѣленіе общихъ отношеній государствъ, т. е. договоровъ, союзовъ и столкновеній, потому что это въ сильной мѣрѣ вліяетъ на „благо народное“. Умѣлую ловкость нашей дипломатіи признали всюду, но у насъ дома дипломаты имѣютъ мало доброй славы, безъ сомнѣнія по той причинѣ, что защитою частныхъ интересовъ своихъ согражданъ, попавшихъ заграницу, занимаются очень не много, такъ сказать, свысока. Понемногу это явно улучшается и вовсе не думаю надъ этимъ останавливаться, потому что мои завѣтныя мысли касаются иностраннѣхъ сношеній исключительно со стороны союзовъ. Уже и въ прошлыхъ столѣтіяхъ союзы государствъ сильно вліяли на ходъ исторіи, а въ будущемъ въ союзахъ и будетъ суть исторіи, въ идеалѣ же чудится союзъ всеобщій, подготовку которого составляетъ Гаагская конференція. Пусть такое мнѣніе составляетъ свой видъ утопіи, все же нельзя отрицать, не углубляясь во времени, что Тройствен-ный союзъ (Германія, Австрія, Италія) и имъ вызванный Двой-ственный союзъ (Россія, Франція) глубоко повліяли въ мірѣ за весь конецъ XIX вѣка, что союзный договоръ державъ въ китайскихъ событияхъ 1900 года и Англо-Японскій союзъ въ событияхъ послѣдней войны опредѣлили очень много такого, что едва достигалось ранѣе того жесточайшими войнами. Союзы современные именно прежде всего и назна-чаются для предупрежденія войнъ не только договариваю-щихся странъ между собою, но и съ другими странами, по крайней мѣрѣ для ихъ ограниченія. Если еще донынѣ вѣренъ латинскій совѣтъ: „желая мира, будь готовъ къ войнѣ“, то скоро въ Германіи и Англіи формируется совѣтъ: „хочешь мира—заключай союзы“. Тутъ и логики, какъ хотите, больше. Великое значеніе союзовъ могло начаться и началось дѣйстви-тельно съ того времени, какъ мірѣ обойденъ и вмѣсто аппети-товъ завоевательного свойства явилось сознаніе опасности личной цѣлости и нарушенія войнами драгоцѣннѣйшихъ приобрѣтеній, происходящихъ отъ взаимныхъ сношеній на-родовъ всего міра. Союзы современные, всегда сопряженные съ уступками и сознательнымъ отказомъ отъ излишней гордыни, составляютъ незамѣнимый проводникъ прогресса и прибли-женія къ признанію равенства государствъ, безъ котораго всѣ

прочие порывы къ идеаламъ свободы, равенства и братства чрезвычайно легко стушевываются, какъ личные интересы стушевываются предъ общими, социальными и общечеловѣческими.

Проникшись высказанными соображеніями и убѣжденіями, невольно должно спросить: какіе же союзы возможны и желательны для Россіи въ ея современномъ положені? Отвѣтъ въ моихъ „Завѣтныхъ мысляхъ“ ясенъ и нерасплывается въ общихъ мѣстахъ, потому именно, что союзъ во всѣ стороны невозможенъ сразу, а дѣйствовать надо сразу, неотложно, предвидя и предчувствуя.

Союзъ съ Франціею, составляющей зрѣлый плодъ миролюбія Императора Александра Александровича, такъ желателенъ, понятенъ и полезенъ Россіи и Франціи, что надъ нимъ нѣть надобности останавливаться и можно только пожелать его продленія — до образования всеобщаго союза. Переходъ къ этому концу, реально выразившійся сокращеніемъ чрезмѣрныхъ всеобщихъ военныхъ расходовъ, могъ бы хоть не наступить, а все же предвидѣться, если бы Англія, Германія и С. А. С. Штаты съ Россіею и Франціею, что называется, спѣлись по главнымъ вопросамъ времени, отказавшись отъ какихъ либо личныхъ пріобрѣтеній, а просто въ виду благъ мира, равенства странъ и порядка. Другія или остальные волей иль неволей примкнутъ, если это сбудется. Видимыми крупнѣйшими предметами соглашенія, мнѣ кажется, нынѣ должно считать: Австрію, Балканскій полуостровъ, Китай и Африку. Никого не насилия или не трогая, ничего ни отъ кого и ни для чего не отнимая, тутъ, повидимости, можно согласиться, но я лично не думаю, что такое соглашеніе возможно въ ближайшемъ будущемъ, а все же начаться сближеніе это должно, и всего желательнѣе, чтобы началось оно съ Англіи, которая ощущила уже неудобства совершенно „свободныхъ рукъ“, какъ видно изъ ея новѣйшихъ договоровъ съ Франціею и Японіею. Англичанъ не любятъ, какъ всѣмъ известно — нигдѣ, что опредѣлилось ихъ политикою всего прошлаго столѣтія, но, во-первыхъ, политика эта явно измѣняется за послѣднее время, во-вторыхъ, какъ бы то ни было — это передовой народъ во всѣхъ отношеніяхъ и, въ третьихъ, точно для нихъ и составлено латинское изрѣченіе: „Senatores boni viri, senatus autem mala bestia“, потому что всякий могшій, какъ я самъ, или могущій узнать англичанъ

поближе, невольно и непремѣнно признаетъ въ ихъ большинствѣ людей не только спокойно разсудительныхъ и честныхъ, но и добродушныхъ, прямыхъ и благожелательныхъ, а потому пойметъ, что бывшая англійская политика не отвѣчаетъ духу большинства современнаго англійскаго народа. Личные мои симпатіи къ англичанамъ, опредѣлившіяся опытнымъ путемъ, о которомъ когда нибудь предполагаю написать, не увлекаютъ меня до забвенія всего того, что препятствуетъ скорому союзу Россіи съ Англіею, и хотя я вѣрю въ то, что онъ осуществится въ недалекомъ будущемъ, но говорить мнѣ желательно не на тему европейскихъ и вообще западныхъ возможныхъ и желательныхъ нашихъ союзовъ, а о настоящейности тѣснѣйшаго союза Россіи съ Китаемъ. Для меня все настоящее и все предстоящее, даже все прошлое говорить въ пользу такого союза; не знаешь даже, съ чего и начать, но такъ какъ настоящее видище, то имъ и воспользуюсь прежде всего.

Въ Китаѣ 430 милл. жителей, т. е. около четверти населения всей земли и больше, чѣмъ у какой либо иной державы, примѣрно въ три раза болѣе, чѣмъ въ Россіи. Граница Россіи съ Китаемъ длиннѣе, чѣмъ какая бы то ни была иная сухопутная грань двухъ государствъ. Россія самая сильная изъ сосѣднихъ Китаю странъ. Китай и Россія въ оконченной Японской войнѣ честно соблюли, сколько было возможно, давнюю дружбу, договорами закрѣпленную. У русскаго народа нѣтъ и тѣни того высокомѣрнаго отношенія, съ какимъ къ китайцамъ относится большинство другихъ европейцевъ, и китайцы, сколько пришлось узнать, когда различаютъ „варваровъ“, къ русскимъ дружатъ больше, чѣмъ къ инымъ народамъ. Это потому, конечно, что русскіе по природѣ уживчивы, миролюбивы и благожелательны, какъ сами китайцы. Это все уже крупные задатки въ дѣлѣ союза, но прошлое и особенно неизбѣжное будущее содержитъ еще крупнѣйшіе.

Въ прошломъ между Россіею и Китаемъ дружба господствовала даже больше, чѣмъ между Россіею и Германіею, и если за услуги 1859 г. Китай отдалъ Россіи берегъ Амура, то это наверстано съ лихвою благодушнымъ возвратомъ Кульджи, а о чѣмъ либо подобномъ войнѣ между Россіею и Китаемъ не было и помину. Было бы, конечно, еще лучше,

если бы за Симоносекский миръ Россія не заняла условнымъ образомъ часть Манджуріи и тѣмъ не вызвала невольной горечи у китайцевъ, такъ какъ за русскимъ занятіемъ Квантуна послѣдовали англійское и германское. Но и это дѣло, составляющее очевидную ошибку русской политики, теперь, благодаря разуму Портсмутского договора, по возможности поправлено не безъ явныхъ потерь, жертвъ и усилий русскихъ и съ явными выгодами для китайской цѣлости, такъ что и этотъ неудачный инцидентъ прошлаго надо считать законченнымъ, и у мудрыхъ китайцевъ должно существовать ясное сознаніе того, что безъ содѣйствія Россіи Китаю не уцѣлѣть бы въ его современномъ положеніи, а также и того, что въ близкомъ будущемъ безъ помощи Россіи или безъ опоры на союзъ съ нею Китаю многое грозить, въ союзѣ же все это можетъ быть обеспечено въ большей мѣрѣ, чѣмъ безъ него. Но если въ предстоящемъ, у Китая есть поводы ожидать пользы отъ союза съ Россіею, то у насъ они и подавну есть и на первомъ планѣ стоить пресловутая „желтая опасность“. Хотя по миролюбію, тысячелѣтіемъ воспитанному Китаю, мнѣ кажутся невозможными события, предсказываемыя покойнымъ моимъ другомъ В. С. Соловьевымъ въ его прекрасномъ произведении „Три разговора“, тѣмъ не менѣе я склоняюсь къ тому, что „желтая опасность“ временно выплыть можетъ, толкаемая японцами, а выполняемая преимущественно китайцами. А Россія тутъ первая, и пусть та опасность будетъ только преходящимъ взрывомъ, все же мы первые должны принять всю его силу и чѣмъ тѣснѣе будетъ нашъ союзъ съ Китаемъ, тѣмъ менѣе вѣроятности въ торжествѣ японскаго задора. Со временемъ и японцы, конечно, угомонятся, но это будетъ едва ли скоро, а ближайшее время и будетъ, навѣрное, самымъ критическимъ для Китая, потому что Китай уже волей или неволей просыпается, свою новую подготовку начинаетъ, свое войско организуетъ. Японія пошла на уступки Портсмутского мира, безъ сомнѣнія, не почему либо иному, какъ потому, что побѣды достались ей не дешево и въ числѣ ихъ-потеря около сотни тысячъ воиновъ; Китаю же и миллионная потеря ни почемъ, если онъ долженъ во что бы ни стало выселять отъ себя массы избытка рабочихъ, на всякое дѣло способныхъ. Физически китайцы болѣе сильны и выносливы, чѣмъ японцы, духовно болѣе самостоятельны и

покорны, и если бы мудростью не были проникнуты—были бы превосходными воинами, какими ихъ и хотятъ сдѣлать японцы въ своеемъ увлечениіи нерасположеніемъ къ „блѣмы расамъ“. Науськивать противу нась китайцевъ не преминуть, вѣроятно, и кое какие другіе народы, особенно если договорами обяжутся кое въ чёмъ помочь китайцамъ. Денежки достанутъ. Будетъ хорошо, если мы успѣмъ предупредить и тотчасъ, къ обоюдной выгодѣ, новымъ разумнымъ договоромъ упрочимъ союзъ съ Китаемъ. Если всегда подражательная Японія лѣтъ въ 20—30 дорошла до той силы, которую выказала въ войнахъ съ Китаемъ и съ нами, то всегда бывшій оригинально-самостоятельнымъ Китай можетъ вырасти еще болѣе сильно, и намъ это будетъ тѣмъ болѣе пригодно, чѣмъ больше мы сдружимся съ китайцами къ тому времени. Китайцы и русскіе миролюбивы, семейственны, покладисты, выносливы, монархичны и къ ученью склонны. У русскихъ есть то преимущество, что они раньше китайцевъ прорубили окно въ Европу, а у китайцевъ то, что они раньше и тверже всѣхъ народовъ стали слѣдовать за мудрецами, проповѣдавшими великое вліяніе добрыхъ нравовъ, не заразившись никакою слащавостію, а потому твердо, даже до жестокости, встрѣчая зло и борясь съ нимъ. Когда Китай братски войдетъ въ общую семью народовъ, тогда только догадаются, по очевидности, какой мудрый и добрый реализмъ этого народа далъ ему возможность размножиться до тѣсноты, нигдѣ не встрѣчающейся. Да, китайцы правда жестоки, но только тамъ, где они видятъ зло, и хотя въ „непротивлѣніи злу“ слышна гуманность, но еще неизвѣстно, можно ли зло извести гуманностью, если признать, что оно не выводится жестокими карами. Признаюсь, что согласенъ съ китайцами, думающими, что зло имѣеть не истребимое и вѣчное существованіе, къ размноженію способно и полагаю, что входъ китайцевъ въ міровой союзъ поможетъ господству добра больше, чѣмъ „непротивлѣніе злу“, а миру больше, чѣмъ союзы двойственные или тройственные, именно потому, что китайцы многочисленнѣе, миролюбивѣе и морально-мудрѣе всѣхъ другихъ народовъ, а это говорить не мало и безъ слащавости. Союзъ Россіи съ Китаемъ будетъ предтечей общаго мирнаго союза уже по той причинѣ, что въ немъ было бы болѣе трети всѣхъ людей и онъ не могъ бы быть инымъ,

какъ чисто мирнымъ и охранительнымъ, тѣмъ болѣе, что у обоихъ союзниковъ цѣлая бездна настоятельныхъ внутреннихъ потребностей и столько ресурсовъ, сколько нѣтъ ни въ одной парѣ остальныхъ государствъ, а показывать кулаки оба такие союзника, какъ Россія съ Китаемъ, и не хотять, и не привыкли. Думаю, что, служа въ нѣкоторомъ смыслѣ противовѣсомъ Англо-Японскому союзу, Русско-Китайскій не только послужить не менѣе первого дѣлу мира въ Азіи, но и повліяетъ на положеніе обоихъ союзниковъ въ Европѣ, особенно при вѣроятности доброго къ нему отношенія Франціи и даже Германіи. Только тутъ надо спѣшить, а то будетъ, пожалуй, поздно — въ разныхъ смыслахъ.

Говоря о союзахъ, нельзя не упомянуть о томъ, что принципіальными нашими союзниками были и останутся южные и западные славяне, но въ реальныхъ отношеніяхъ охраны и мира союзъ этотъ нынѣ такъ малозначущъ, что надѣяться, при желаніи краткости изложенія, нельзя особо останавливаться, хотя забывать и не слѣдуетъ.

Какъ бы люди ни желали вѣкъ вѣчный жить въ добромъ согласіи и какіе бы союзы государства ни заключали, все же впереди, т. е. въ близкомъ къ намъ времени, или точнѣе — въ XX вѣкѣ войны все же избѣжать нельзя, и если правительства будутъ мирить, народы не прекратятъ воевать и требовать войны. Достаточно читать то, что пишется про отношенія армянъ къ татарамъ и вообще магометанамъ во многихъ областяхъ, гдѣ эти народности соприкасаются съ другими исповѣданіями. Насъ, очевидно, горсть армянъ надѣется поссорить съ магометанами; вѣдь люди-то дѣловитые. Внутренніе же нелады легко способны превращаться въ войны внѣшнія, чему многіе примѣры даютъ вся исторія послѣднихъ временъ. Быть готовымъ къ войнѣ надо и при союзахъ, самыхъ надежнѣйшихъ. Нападеніе нравственно оправдываетъ охранительные военные дѣйствія. Нельзя однако отрицать и того, что наступательная война не рѣдко винится добрыми чувствами, что отлично выставлено въ „Трехъ разговорахъ“ В. Соловьевымъ. Въ прошломъ, глядя пессимистически, было много войнъ, вызванныхъ причинами, не находящими надлежащихъ нравственныхъ оправданий; таковы религіозныя войны и всѣ династическія, относя къ нимъ, напримѣръ, и Наполеоновскія, и нашу

венгерскую кампанію. Высокія, идеальные побужденія, начиная съ религіозныхъ, какими часто оправдываются войны съ изстари и до сихъ поръ, ничего общаго съ войной не имѣютъ, потому что такъ или иначе преслѣдуютъ всегда общее и положительное добро, а все, чего можетъ достичь война, какъ судъ или поединокъ, сводится къ отрицанію или за-прещенію, да уступкѣ земель и денегъ. Глядя съ возможно оптимистической точки зрѣнія, прошлые войны даже чисто завоевательно-истребительныя, въ родѣ отнятія отъ негровъ или индѣйцевъ ихъ земель европейцами, велись преимущественно ради цѣлей исторіи — развить на землѣ условія для возможности наибольшаго размноженія человѣчества и обладанія соотвѣтственными для того средствами. Этимъ оправдывается преимущественно колоніальная политика. Судить тутъ будуть только будущія судьбы народовъ, а намъ для настоящаго времени не слѣдуетъ исходить изъ чего либо иного, кромѣ того, что дано дѣйствительностю.

Въ отношеніи къ самой Россіи нельзя упустить изъ виду, что ея громадная величина получилась исключительно благодаря стечению обстоятельствъ, окружавшихъ сравнительно небольшой сознательный союзъ центральныхъ русскихъ людей. Завоевателей у насъ не было ни одного и завоевательныхъ стремленій у насъ не было и нѣть, да и быть, по всему духу народному, не можетъ. Пришлось намъ со всѣхъ таки сторонъ только защищаться, а при защитѣ нерѣдко занимать мѣста, изъ которыхъ наши тѣснители сами вытѣснялись. Нечего вспоминать тутъ половцевъ или татаръ, а достаточно указать на остасийцевъ, шведовъ, кавказцевъ, киргизовъ, крымцевъ и среднеазіатовъ. Огромные края Малороссіи, Грузіи и Сибири сами пристали къ намъ, понявъ будущую силу Россіи и невозможность держаться самостоятельно. Литва и Польша за свои многочисленные напоры на нашу страну поплатились покореніемъ и раздѣломъ, потому что русскій реализмъ выше и крѣпче ихнихъ, отъ латынишины навѣянныхъ началъ. Войнъ Россіи пришлось въ прошломъ вести множество, но большинство ихъ носило характеръ чисто оборонительный, и мое мнѣніе скажется ясно, если выражу увѣренность въ томъ, что, несмотря ни на какія мирныя наши усилія, впереди Россіи предстоитъ еще много оборонительныхъ войнъ, если Россія не оградится сильнѣй-

шимъ войскомъ въ такой мѣрѣ, чтобы боязно было затѣвать съ нею военную распрю въ надеждѣ отхватить отъ нея часть ея территории. Что завоевательныхъ войнъ Россія сама не затѣваетъ, въ томъ увѣрены не только всѣ мы русскіе, но и всѣ, сколько либо знающіе Россію, которой у себя дома дѣлъ кучища, начиная съ необходимости продолжать усиленно размножаться; но пополненія на насть самихъ, на наши земли и народы, на нашу цѣлость и силу съ татарами, поляками и Наполеонами не умерли, а развиваются и, при стечениі обстоятельствъ (ихъ то и должна дипломатія прослѣдить), могутъ, если мы не будемъ сильны въ военному смыслѣ, дорости до войны противу насть, подобной натиску Наполеона и въ этомъ смыслѣ, кромѣ полнаго соглашенія съ Китаемъ, союзъ съ Англіею—при посредствѣ Франціи—быть бы сильнымъ предохранителемъ. Дѣлить памъ съ Англіей нечего. Походъ на Индію—бесмысленный въ прошломъ—просто нелѣпъ для насть въ будущемъ, а соглашеніе, особенно при полномъ открытии Царданелль, не только возможно, но и очень желательно. Возможно же оно только тогда, когда мы въ военномъ отношеніи будемъ готовы вполнѣ, иначе съ нами въ союзъ не вступятъ.

Военная наша оборона, очевидно, была и быть должна преимущественно сухопутною, а морской быть ей слѣдуетъ, по моему мнѣнію, сильною шынѣ только въ Черномъ морѣ и на берегахъ Восточного Океана. Что бы кто ни говорилъ, все же въ настоящее, а тѣмъ болѣе въ предстоящее время, перевѣсь нельзя получить однѣмъ воспитаніемъ духа воиновъ, какъ въ былыя времена, и не столько ружья, сколько пушки и мины въ этомъ дѣлѣ должны занимать одно изъ первыхъ мѣстъ. Это послѣднее дѣло мнѣ знакомо близко, и я съ полною увѣренностью говорю, что начинать заботы объ улучшеніяхъ въ оборонѣ слѣдуетъ съ пороха и вообще взрывчатыхъ веществъ. Какъ во всемъ другомъ, надо совершенно бросить и тутъ систему подражаній, и пойдти самостоятельно. Теперь дѣло это стало чисто научнымъ, тутъ можно и должно идти путемъ опытовъ, руководимыхъ теорію, и коли мнѣ при первомъ приступѣ къ дѣлу удалось уже найти кое-что существенно новое, то я увѣренъ въ томъ, что русскіе специалисты могутъ въ дѣлѣ взрывчатыхъ веществъ идти сами еще много дальше впередъ. А за порохами слѣдомъ

(не на оборотъ, какъ дѣлаютъ теперь) должны идти пушки и минныя приспособленія. Тутъ все еще надо много и много разрабатывать и своихъ силъ найдется не мало, хоть и не вдругъ. Надо при этомъ, а особенно при заказѣ пушекъ и минъ свое имѣть прежде всего въ виду. Спѣшка, которой обыкновенно оправдываются иностранные заказы, только отговорка, нерѣдко пристрастная и связанная съ злыми личными интересами. Съ этимъ надо такъ или сякъ покончить, т. е. дать и мѣсто, и соотвѣтственныя вознагражденія русскимъ изобрѣтателямъ¹⁾ и русскимъ производителямъ, потому что изъ заграницы мы все-же получаемъ лишь поскребки и полное военное обезспеченіе возможно только съ обзаводствомъ дѣла всѣмъ необходимымъ. Такъ, ничего не жалѣя, надо тотчасъ же приступать на берегахъ Тихаго Океана къ своему военному судостроенію, къ полученію своей мѣстной стали, своихъ пушекъ, своего каменного угля. Что либо лишнее, что придется при этомъ истратить, останется дома, крупныя доли выпадутъ своимъ же техникамъ, рабочимъ, изобрѣтателямъ и предпринимателямъ, а это послужитъ только къ развитію края²⁾. Государственная Дума не выполнить своей задачи, если не выскажетъ въ этихъ дѣлахъ категорически, потому что жизненнѣе и абсолютнѣе дѣль этого рода найти трудно. Если замиреніе съ Японіею, по волѣ Царя и по благороднѣйшему искусству С. Ю. Витте, обошлось безъ экстренныхъ денежныхъ уплатъ Японіи и безъ какихъ-либо ограниченій въ развитіи нашихъ силъ на берегахъ Тихаго Океана, тѣмъ больше поводовъ, ничего не жалѣя, быстро на этихъ берегахъ создать новыя русскія силы, а онѣ безъ промышленной поддержки развиться не могутъ, начало же ей проще и всего естественнѣе по-

¹⁾ Съ русскими изобрѣтателями мнѣ часто приходилось имѣть дѣло и хотя между ними, какъ и всюду, есть много сумбурниковъ, но несомнѣнно для меня и то, что много очень дѣльного и талантливѣйшаго пропадаетъ изъ за высокомѣрнаго у насъ и не разумнаго пренебреженія къ русской изобрѣтательности. Довольно напомнить Лодыгина.

²⁾ Мне говорять, что вѣдь и взятки остаются въ странѣ, но когда онѣ даются иностранцами русскому заказчику, во-первыхъ, крупнѣйший кушъ идетъ все-же прочь изъ страны, а во-вторыхъ, взяточница не усидитъ на окраинѣ, наживется, да и уѣдетъ, того гляди въ Парижъ—покутитъ, и къ дѣлу мѣстному не приступить, что навѣрно сдѣлаютъ рабочие и предприниматели.

ложить, развивая на мѣстѣ все необходимое для усиленія обороны.

На этомъ кончу свои замѣтки по дѣлу обороны, потому что она для „блага народнаго“ дѣло неизбѣжное, а быть не можетъ безъ затраты силъ и средствъ народныхъ, они же, по существу дѣла, должны служить исходнымъ ресурсомъ народному труду и развитію благосостоянія своей же страны. Такъ связуются разныя стороны дѣла и необходимость этой связи столько же очевидна, какъ невозможность основать оборону страны на войскѣ наемномъ.

V. Народное просвѣщеніе, понимаемое въ обычномъ смыслѣ, т. е. какъ обученіе юношества тому, что можетъ быть такъ или иначе полезнымъ въ предстоящей жизни, связано съ общественною и правительственною дѣятельностью повсюду тамъ, где оно вышло изъ пеленокъ и стало дѣйствительною болѣе или менѣе широкою общею потребностію. Понятіе о свободѣ со многими своими условностями выясняется, когда представить свободу народнаго просвѣщенія отъ какого либо отношенія къ правительству, какъ то было когда то въ оныя времена и какъ это не будетъ уже никогда, какъ бы „свобода“, понимаемая въ нашемъ условномъ смыслѣ, не развивалась. Отношеніе правительства къ народному просвѣщению вовсе не составляетъ чего либо подобнаго простой благотворительности, а опредѣляется сперва потребностію имѣть въ администраціи подготовленныхъ служащихъ, а потомъ сознаніемъ великаго вліянія должнымъ образомъ направленного просвѣщенія на всѣ успѣхи страны, для службы которымъ (т. е. „благу народному“) правительство и начинаетъ сознавать себя назначеннымъ. Переходъ отъ первоначального отношенія къ послѣдующему у насъ только что недавно начался и этимъ однимъ не мало выясняются многія стороны всего нашего учебнаго строя, напримѣръ, служебныя права кончившихъ опредѣленные курсы, административные экзамены, казенные стипендіи, словесныя преимущества при приемѣ и т. п. Тутъ должно ясно сознавать, что безъ учебныхъ заведеній приспособленныхъ къ административнымъ специальностямъ, обходиться еще нигдѣ не могутъ, такъ какъ иначе пострадала бы исполнительность, а потому у насъ нечего пока и думать о коренному преобразованіи такихъ заведеній, каковы, напримѣръ

военные корпуса и семинарии. Для современного образования, кроме военныхъ и духовныхъ академій, надо даже желать умноженія специализированныхъ высшихъ школъ, назначаемыхъ для служебныхъ цѣлей, особенно педагогическихъ, потому что служебная карьера учителей и профессоровъ не казиста, и къ ней надо много подготовлять и много привлекать народу заранѣе, чтобы можно было изъ нихъ выбирать лучшихъ. Но обѣ этомъ предметѣ я уже болѣе подробно говорилъ въ VII главѣ (стр. 291—316), а потому теперь считаю долгомъ громко взывать о томъ, что между многими настоящими и будущими современными нуждами Россіи не должно прежде всего забыть необходимости специальныхъ педагогическихъ институтовъ, и если, примѣра ради, сопоставить такія дѣй надобности, какъ увеличеніе окладовъ учителей и устройство педагогическихъ институтовъ, то ни минуты не сомнѣваясь должно второе предпочтеть первому. Если средствъ народныхъ не хватаетъ сразу на все необходимое, эти педагогические институты надо, по времени, предпочесть даже расширению желѣзнодорожныхъ или улучшенію водяныхъ сообщеній, устройству новыхъ судебныхъ и т. п. учрежденій, даже основанію какихъ либо иныхъ учебныхъ заведеній низшихъ, среднихъ или высшихъ, потому что правильное, а особенно исправленное по содержанію и направленію обученіе юношества безъ массы хорошо подготовленныхъ наставниковъ можетъ быть зломъ не поправимымъ и, что всего хуже, самообманомъ, ведущимъ къ гибели, такъ какъ безъ свѣта истиннаго просвѣщенія мы попадемъ, того гляди, въ южно-американское положеніе, оттого только уживающееся со своими пронунсіментами, что они не окружены близкими болѣе подготовленными сосѣдями, а природныя условія для жизни даны имъ въ такомъ изобилии, что знай да бери готовенькое безъ усилий.

Отдавъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія все должное такому переходному состоянію, въ какомъ теперь находится Россія, т. е. сохраняя, даже расширяя, специальную подготовку для чисто-служебно-административной дѣятельности, Россія дожила до того состоянія, въ которомъ народное просвѣщеніе стало необходимымъ не только для сельскихъ хозяевъ всѣхъ степеней, купцовъ и промышленниковъ, но и для всѣхъ жителей, ничуть неприкосновенныхъ къ админи-

страції. Не потому только это нужно, что такъ это есть у нашихъ сосѣдей, съ которыми намъ необходимо равняться, если желаемъ сохраниться, а потому по преимуществу, что нужды народныя во всѣхъ его классахъ явно растуть уже просто отъ умноженія числа жителей, а усиленное удовлетвореніе этихъ нуждъ немыслимо нынѣ безъ приложенія истинной образованности. Пусть даже правъ гр. Л. Н. Толстой, что все дѣло въ улучшениіи нравовъ или морали личной, но вѣдь эти предметы надо выбирать изъ многихъ предлагаемыхъ, а выборъ правильнымъ быть не можетъ безъ должной оцѣнки предлагаемаго, такъ какъ рядомъ стоять одни говорящіе, что надо бить, другіе говорящіе, что надо шею—морали ради—подставлять; одни совѣтуютъ: не учись, такъ будетъ лучше, другіе: учись—это всего нужнѣе. Надобень свѣтильникъ личнаго просвѣщенія, чтобы разобраться, что черно и что бѣло. А когда дѣло-то доходитъ до хлѣба, до необходимости прокормить не одного себя, но и близкихъ, со старицами и дѣтьми включительно, да вспомнится долгая зима, да узнается, что для полученія работы, дающей достаточный хлѣбъ, вездѣ ужъ требуется учебная подготовка, становящаяся потребною даже при добычѣ самаго хлѣба въ такомъ количествѣ, которое сколько либо покрываетъ затрату времени, средствъ и силъ, тогда о сколько либо прочномъ обеспеченіи въ огромномъ большинствѣ современныхъ положеній выступающемъ нельзя и помышлять—помимо долгаго предварительного обучения. Оно становится прямою хлѣбною потребностью жизни, способомъ ея развитія и роста. Безъ правительственной помощи обойтись тутъ, очевидно, нельзя и заботы о просвѣщеніи составляютъ честь, даже гордость правительства, потому что выступаютъ свободнѣйшимъ образомъ изъ за побужденій „общаго блага“. Нельзя и думать, что когда совокупный разумъ народныхъ выборныхъ болѣе или менѣе замѣнитъ волю единоличныхъ правителей, въ одномъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, говоря вообще, улучшений существенныхъ не произойдетъ, тѣмъ болѣе, что тутъ все возможно, улучшеніе ли, или ухудшеніе и они не могутъ дѣлаться иначе какъ медленно, постепеновски. Въ этомъ послѣднемъ и видна величайшая трудность той правительственной функции, о которой теперь говорится. Зло, введенное въ наше народное просвѣщеніе

покойнымъ графомъ Д. А. Толстымъ, сперва вовсе и не могло быть замѣтнымъ, а та „свобода преподаванія“, о которой такъ много трубили тогда приспѣшники Толстого, давала обликъ, какимъ обманывали и обмануть еще не разъ много, много народа, хотя соблазняла лишь не многихъ изъ нась, тогдашихъ дѣятелей, огульно и голословно обвинявшихся графомъ въ смѣшніи науки и ученья съ политикою. Выдумалъ и провелъ графъ Д. А. Толстой такие пріемы и мѣры, которыми по его разуму должно было искорениться воображаемое зло. Десятки лѣтъ, протекшіе съ тѣхъ поръ, приносятъ теперь плоды и между ними на первомъ мѣстѣ стало именно то, что воображали искоренить, т. е. плачевное смѣшеніе науки и обучения съ политиканствомъ. Да и какъ этому слѣдствію было не явиться, когда корнемъ просвѣщенія стали считать латинское резонерство и аттестаты „зрѣлости“ и „благонадежности“. Говорю объ этомъ не для того, чтобы вновь поднимать устарѣвшее разнорѣчіе, а лишь для того, чтобы внушить мысль смотрѣть на просвѣщеніе народа только со стороны передачи юношеству знаний, необходимыхъ и полезныхъ въ жизни страны, оставивъ всякия иныя, такъ сказать, косвенные задачи совершенно въ сторонѣ. Внушили юношамъ, во-первыхъ, понятіе о томъ, что „зрѣлость“ достигается латинскими упражненіями, да решеніемъ простенькихъ задачъ, а во-вторыхъ, что все дѣло ученія сводится къ политической благонадежности, вотъ и стали „зрѣлые“, конечно не всѣ, а все-же въ массахъ усматривать и обличать „неблагонадежность“ и полагать, что міръ на латинской точкѣ отправленія застрялъ. Не окунувшись въ жизнь, не узнавъ еще ничего специального, что къ ней приближаетъ, не искушившись при помощи опыта въ оцѣнкѣ достоинства идей, воспитанное по гр. Д. А. Толстому юношество въ сущности стало говорить: „не хочу учиться, а хочу политиканить“, какъ говорило когда то: „не хочу учиться, а хочу жениться“. Поправка (но она можетъ быть въ дѣлѣ просвѣщенія не иною, какъ медленною) тутъ, по мнѣ, одна: въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія имѣть въ виду исключительно только одно просвѣщеніе юношества, т. е. сообщеніе ему добытыхъ наукою (изученіемъ или сочетаніемъ разума съ опытомъ) пріемовъ или способовъ и выводовъ или истинъ, могущихъ облегчить пути жизни. Нравственность придетъ

сама собою, если наука поставится выше всего и для этого учителя будут подбираться не по „благонадежности“, а исключительно по научному цензу, потому что между истинною наукой и моралью, какъ между истинною наукой и жизнью, есть связь живая и крѣпчайшая. А узнать науку истинную, т. е. отличить ее отъ лживыхъ наукъ, или—такъ какъ собираетльно лживыхъ наукъ не можетъ быть на-долго—отъ ложныхъ учений, могутъ только дѣйствительно люди современной дѣйствительной науки, какие, благодаря тому, что система гр. Д. А. Толстого дѣйствуетъ сравнительно недолго, все-же есть въ Россіи, а если почему либо ихъ и не станетъ, то такихъ, какъ Лейбница, Эйлеры и Палласы, можно „на время“ пригласить и изъ другихъ странъ, все-же будетъ лучше, чѣмъ отдать все дѣло въ руки канцелярій или газетъ. Пусть главный администраторъ или министръ народнаго просвѣщенія будетъ и не изъ ученыхъ, ему и книги въ руки, но его сужденія относительно научности или ненаучности должны быть цѣликомъ основаны на приговорѣ научныхъ совѣтниковъ — иначе опять легко попасть мимо, какъ это блистательно доказалъ дилетантъ отъ науки гр. Д. А. Толстой.

Въ этомъ главное, что хотѣлось сказать сверхъ того, о чёмъ говорилъ въ главахъ VI и VII-й по отношенію къ народному просвѣщенію. Сколько возможно полнѣйшая автономія не только можетъ, но и должна вести все дѣло народнаго просвѣщенія къ благимъ для народа результатамъ лишь при условіи, какъ сверху, такъ и снизу, не подмѣшивать къ чистой наукѣ ни внѣшней, ни внутренней политики. Науки съ жизнью связаны очень тѣсно на всѣ предбудущія времена. Пусть это относится къ самой наукѣ, да къ ученью то у политиканства неѣть отношеній, а тѣмъ паче къ учащимся. Политика дѣло текущей жизни и въ ней могутъ имѣть голосъ только выдержаніе цензъ дѣйствительной жизненной зрѣлости. Ну, пусть ихъ, если есть на то охота, политиканствуютъ профессора на сторонѣ отъ учебнаго дѣла, но къ учебному то дѣлу, къ автономіи его, касательства никакого неѣть; ученикамъ же просто грѣхъ политиканствовать, потому что надо сперва поучиться, да жизни попробовать. Путаница здѣсь и вредить, и съ толку сбиваетъ.

VI. Промышленность, въ истинномъ или широкомъ смыслѣ слова (см. главу VIII, т. е. производство, добыча,

передѣлка и доставки всего того, что физически надобно, полезно или спрашивается другими людьми), занимаетъ все болѣе и болѣе народы, вышедши изъ первобытныхъ состояній, въ которыхъ все немногое необходимое люди стараются добыть и произвести сами или около себя, въ домашнемъ обиходѣ, подобно тому, напримѣръ, какъ обыкновенно у насть варятъ дома варенье изъ собранныхъ въ своемъ саду ягодъ. Мало по малу и Россія, особенно же быстро послѣ освобожденія крестьянъ, входитъ въ тотъ разрядъ странъ, въ которомъ промышленныя отношенія становятся на первомъ мѣстѣ и во главу „блага народнаго“, начиная съ торговли, съ добычи хлѣба не для себя только, а для продажи, съ перевозки, съ горнаго дѣла и всякихъ ремесленныхъ и фабрично-заводскихъ дѣлъ. Но какъ мы далеки еще отъ средняго уровня тѣхъ странъ, съ которыми хотимъ и наше бирное можемъ равняться, становится виднымъ уже изъ того, что вся сумма цѣнности нашего фабрично-заводскаго производства едва ли превосходитъ въ годъ 3 миллиарда руб., что даетъ на жителя въ среднемъ менѣе, чѣмъ по 25 р. въ годъ, а въ С. А. С. Штатахъ тѣ производства даютъ товаровъ болѣе чѣмъ на 25 миллиард. руб., что отвѣчаетъ въ среднемъ на жителя болѣе чѣмъ по 330 рублей (стр. 176). Если счесть цѣну всѣхъ хлѣбовъ, выростающихъ у насть въ годъ, всѣхъ ископаемыхъ ежегодно добываемыхъ и всѣхъ фабрично-заводскихъ продуктовъ, то по раздѣлениі на число жителей придется на каждого около 40 руб., а въ С. А. С. Штатахъ около 450 руб. До заработковъ испанскихъ или итальянскихъ, потомъ до нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ, а тѣмъ паче до американскихъ намъ очень далеко—по цифрамъ, а не по времени, которое можно сильно сократить при согласномъ и рѣшительно-благоразумномъ дѣйствіи не только правительства, но и насть всѣхъ, всѣхъ отъ политиковъ и газетчиковъ до учениковъ и ученыхъ, даже до литераторовъ и аристократовъ. Возможность народу быстро богатѣть природой нашей намъ дана, только въ обиходѣ нашемъ не имѣется по сихъ поръ основныхъ условій, для того необходимыхъ, болѣе же всего самодѣятельнаго трудолюбія, рѣшительной предпріимчивости и яснаго пониманія современаго положенія экономическихъ обстоятельствъ, допускающихъ быстрое увеличеніе общаго

средниго достатка. Раньше, чѣмъ идти дальше, нельзя оставить безъ объясненія три указанныхъ условія.

Даже допустивъ, что изъ 140 милл. жителей Россіи 100 милл. живутъ земледѣлемъ и промыслами съ нимъ связанными (охотою, перевозкою по грунтовымъ дорогамъ и т. п.), все-же не слѣдуетъ изъ этого выводить, какъ то обыкновенно дѣлается, что для обезпеченности увеличенія общаго достатка народнаго необходимо имѣть въ виду исключительно земледѣльческую дѣятельность Россіи, тѣмъ болѣе, что и земель-то много, и урожаи-то можно и должно увеличить. Съ двумя послѣдними утвержденіями согласенъ вполнѣ, но не съ исключительностю, даже смягченную до преимущественности, никакъ не согласенъ и даже утверждаю, что тутъ кроется великое заблужденіе или печальное отсутствіе яснаго пониманія современности. У насъ, при нашихъ нравахъ, несмотря на полную для всѣхъ очевидность утверждаемаго, все же необходимо назвать обвиняемыхъ, потому что на всякое общественное явленіе мы привыкли смотрѣть какъ на особый видъ судьбища, при которомъ обвиняемы должны быть на лицо, а мы-де присяжные судьи. Хоть мой взглядъ совершенно иной, судьи или прокурора изъ себя я изобразить и не думаю, но покорюсь и выставлю требуемыхъ виновныхъ только не поименно — мѣста для того не достанетъ, — а нарицательно: это большинство помѣщиковъ и литераторовъ. Первые хоть за свое стоять, а свое добро защищать, вѣдь, неправда ли, законно и разумно. Вторые же либо пропитаны началами первыхъ, изъ которыхъ и вышли, либо живутъ еще когда то передовыми началами XVIII вѣка, либо относятся къ числу ретуширующихъ фотографовъ, т. е. пишутъ съ неприглядной натуры, только стараясь быть ей вѣрными, не зная никакихъ задачъ повыше простой точности типическаго образа, въ который и не желаютъ вкладывать предвидѣнія, столь возвышающаго образъ Донъ-Кихота. Этихъ главныхъ виновныхъ я ничуть не хочу осудить, потому что они плодъ нашей исторіи, наша общая плоть и кровь. Хочу только сказать, что они не понимали и до-нынѣ не понимаютъ того начально-служебнаго и зависимаго положенія, которое занимаетъ все земледѣльческое и сельско-хозяйственное въ кругу тѣхъ многочисленныхъ промышленныхъ дѣлъ современности, на которыхъ

основывается предстоящее, даже нынѣшнее среднее народное богатство, опредѣляющее не только возможность успешно обороняться и прочно просиѣщаться, но и обзавестись хорошими законодателями, администраторами и судьями, такъ какъ на все это надо удеѣлять много средствъ, а у бѣдняковъ все это поневолѣ бѣдновато. Они не разумѣютъ того, что на одномъ ростѣ земледѣлія невозможно богатѣть такому многолюдству, каково наше, потому что, вообразивъ все возможное достигнутымъ, получимъ такой избытокъ хлѣба, что его цѣны, а потому и общіе достатки, упадутъ до полнаго отчаянія тѣхъ, кто надъ ними трудится. Они не разумѣютъ и того, что сельское хозяйство, совершенствуясь во всѣхъ своихъ частяхъ, начиная съ механическихъ молотилокъ, требуетъ все меньшихъ и меньшихъ рукъ, а въ нашихъ широтахъ, даже при полномъ и желанномъ развитіи скотоводства, не можетъ ни подъ какимъ видомъ дать достаточные заработки въ зимнее время, а достатки могутъ расти не иначе, какъ съ умноженіемъ общаго количества труда. Вся предлагаемая книга для того, между прочимъ, и писана, чтобы увеличить существующую у насть мѣру пониманія условій для возможности увеличенія среднихъ народныхъ достатковъ и для показанія того, что на одномъ сельскомъ хозяйствѣ, даже при его преобладаніи, этого желаемаго и необходимѣйшаго увеличенія средняго народнаго достатка достичь невозможно. Недостаточность пониманія тутъ очевидна не только по цифрамъ III и IV главъ, но и по многому другому, содержащемуся въ моихъ „Завѣтныхъ мысляхъ“.

Конечно отъ недостатка въ пониманіи зависитъ и недостатокъ промышленной предпріимчивости, несомнѣнно у насть существующей. Да, надо немало рѣшимости, чтобы затѣять у насть какое либо промышленное предприятіе, чтобы принять въ немъ участіе, даже чтобы ясно встать за него, потому что приосновеніе къ промышленности обозвано „кулачествомъ“ и „эксплуатаціею“ и ничему кромѣ огульнаго осужденія въ разговорахъ интеллигентныхъ круговъ и въ печатномъ словѣ, взятомъ въ преобладающемъ большинствѣ, не подвергается. Оттого наибольшая предпріимчивость, помимо завѣщанной отъ родителей, является у насть преимущественно въ кругахъ, удаленныхъ отъ началъ нашей, преимущественно помѣщицѣй, интеллигенціи, а ея участники

такими дѣлами заниматься ничуть не охочи. Тутъ, безъ сомнѣнія, немало пережитковъ того отношенія, которое законы и особенно администрація приняли у насть въ распределеніи занятій жителей, глядя на всѣ виды промышленности совершиенно иначе, чѣмъ на сельское хозяйство, а тѣмъ паче на службу въ правительстvenныхъ учрежденіяхъ. Въ Гоголевскомъ „Ревизорѣ“ это отг҃нено словами „аршинники, протоканалы“. Законъ для промышленниковъ образовалъ сословіе купцовъ и мѣщанъ, а права ихъ мало чѣмъ отличъ отъ крестьянскихъ, много умаливъ по сравненію съ дворянствомъ, по существу служилымъ. Для этого послѣдняго о какой либо, кроме сельско-хозяйственной, промышленной предпримчивости не могло быть и мысли, потому что въ ней порода ничего не давала и не дасть, а нельзя же было не использовать того, что предоставляетъ закономъ. Отсюда ведетъ свое начало общее стремленіе занять служебное положеніе, предоставляющее прежде всего обезпеченність, безъ какихъ либо задатковъ предпримчивости, безъ слѣда внутренняго стремленія къ способамъ увеличенія народного благосостоянія, а только съ требованіями личными — безъ какихъ либо обязанностей, кроме „страха и совѣсти“, даже до забвенія прямыхъ общегосударственныхъ интересовъ, „страха и совѣсти“ ничуть не касающихся¹⁾). Вся наша

¹⁾ Выросши около стеклянного завода, который вела моя мать, тѣмъ содержавшія дѣтей, оставшихся на ея рукахъ съ измала, приглядѣлся я къ заводскому дѣлу и привыкъ попинать, что оно относится къ числу народныхъ кормильцевъ, даже при сибирскомъ просторѣ. Поэтому, отдавшись такой отвлеченной и реальной наукѣ, какова химія, я съ молоду интересовался фабрично-заводскими предприятиями, хотя въ нихъ никогда личнаго участія не принималъ, руководясь тѣмъ о немъ мнѣшемъ, которое видѣлъ въ окружающемъ и отчасти впиталъ самъ. Много у меня бывало случаевъ рѣшать въ пользу или противъ посвященія техникѣ главнаго своего времени и силъ, и всегда въ концѣ техника побѣждалась какими то русско-дворянскими видами спѣси. Такъ, напримѣръ, въ 1862 г. известный тогда дѣятель В. А. Кокоревъ пригласилъ меня съѣздить въ Баку, где у него тогда велось дѣло съ передѣлкою нефти и въ годъ убытки менѣс 200 тыс. не бывало. „Либо помогите устранить убытки, либо закройте заводъ“ — говорилъ синь и даль мнѣ, при всѣхъ готовомъ проѣздѣ, цѣлую тысячу рублей за то, чтобы выяснить ему дѣло и, если можно, въ короткій срокъ, у меня бывшій въ распоряженіи, исправить его. Охотно взялся не потому только, что тысяча рублей тогда мнѣ, уже семейному, получавшему всего 1½ тысячи жалованья, была очень на руку, но особенно

„интеллигенциј“, вначалѣ исключительно изъ дворянъ и служилыхъ людей состоявшая, въ эту сторону и пошла, тѣмъ болѣе, что даже обязанность служить или заниматься сельскимъ хозяйствомъ была снята. Такъ самыи законъ опредѣлилъ многое изъ того, что получилось къ нашему времени. Измѣнить тутъ надо многое, начиная съ дѣленія сословій до устава о службѣ гражданской, но я не приглашаю мѣнять рѣзко не по одному тому, что постепеновство во всемъ предпочитаю, но особенно потому, что, прежде всего все-мѣрно содѣйствуя развитію промышленной предпріимчивости, сперва необходимо дать много мѣстъ или промышленныхъ заработковъ постоянно прибывающей интеллигенції, иначе изъ огня будетъ „въ полымя“. Безъ подготовки учениемъ и изученiemъ, безъ риска и рѣшительности, какъ и безъ особыхъ и явныхъ выгодъ, даже и снабженная капиталами, промышленная (да и никакая иная) предпріимчивость не можетъ быть прочна и плодотворна, увеличивающею средніе народные достатки. О капиталахъ много заботиться не слѣдуетъ, они придутъ сами туда, гдѣ выгоды предвидятся, а они для Россіи, съ ея едва затронутыми природными богатствами, нуждаются только въ законодательномъ „покровительствѣ“ (глава VIII), да въ расширеніи иностранного сбыта (глава III), который безъ широкой предпріимчивости,

потому, что самое дѣло иеня очень интересовало. На мѣстѣ, что можно было, старался поправить и направить, и вышло такъ, что черезъ годъ получился чистый доходъ болѣе чѣмъ въ 200 тыс. рублей. Прѣбѣжастъ ко мнѣ тогда В. А. Кокоревъ и предлагаетъ побхать пра-вить его лѣбо въ Баку, въ годъ получать по 10 тыс. рублей да 5% съ чистаго дохода, разочтеннаго какъ въ этотъ годъ. Ни минуты не думая, отказался, чего конечно не сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ ни англичанинъ, ни французъ, ни пѣмецъ. Сталъ меня учица В. А. Кокоревъ допрашивать о причинахъ отказа, опровергъ всѣ мои доводы (о пенсіи, о возможности работать для науки и т. п.) или отговорки и очень вѣрно заключилъ, что все это барскія затѣи, отъ которыхъ Россіи очень плохо двигаться впередъ. Когда самъ то сталъ старикомъ, тогда только понялъ какъ слѣдуетъ здравый смыслъ самороднаго русскаго ума В. А. Кокорева, которому наименѣе свойственно Донъ-Кихотство, еще и по сихъ порь побуждающее насъ воевать съ вѣтреными мельницами. Когданибудь сознають это, а пока и то ужъ хорошо, что есть надежды видѣть въ Государственной Думѣ не малое число такихъ самородковъ, какимъ былъ В. А. Кокоревъ. Ихъ голосъ весьма важенъ и, будехъ надѣяться, совсъ возьметъ.

конечно, успѣшнымъ быть не можетъ. Чтобы сдѣлать это послѣднее утвержденіе не голословнымъ, приведу лишь одинъ случай (а такихъ много) изъ моей практики въ качествѣ участника въ экспертизѣ на парижскихъ всемирныхъ выставкахъ 1867 и 1900 гг. Она касается самыхъ обычныхъ у насъ карамелекъ Пандрина. Онѣ на выставкахъ были въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ по 30 коп. за фунтъ продаются въ каждой у насъ лавочкѣ, и эксперты иностранцы, присуждая за нихъ высшія награды, заявляли, что громадный массовый сбытъ товарамъ такого качества (и цѣны) обеспеченъ во всемъ мірѣ. Если передѣланный у насъ каучукъ (резина) давно находится на миллионы рублей ежегодный сбытъ за границею, то уже никакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что разумно поведенная торговля издѣліями, подобными карамелькамъ, гдѣ все свое и гдѣ возвратъ акциза съ сахара при вывозѣ — можетъ сильно сбавить цѣну, должна становиться выгодною не тому одному, кто поведетъ эту заграничную торговлю, но и всѣмъ тѣмъ прибывающимъ, — при увеличеніи сбыта — рабочимъ, домовладѣльцамъ и землевладѣльцамъ, прикащикамъ и всякаго рода техникамъ, которые не прямо, а косвенно, однако жизненно заинтересованы въ этой промышленной предпріимчивости. Выбранный примѣръ, согласенъ, не крупенъ, но все же покрупнѣе большинства французскихъ предметовъ иностраннаго сбыта, а изъ суммы малыхъ состоять всякия большія величины. Надо же помнить, что еще въ 70-хъ годахъ Россія ввозила керосинъ, а давно уже его вывозить на десятки миллионовъ рублей, что тутъ, какъ и во многомъ другомъ, рядомъ съ возбудительными мѣрами, надѣлана кучища ошибокъ ¹⁾, которая немало повліяли на

¹⁾ Принимаясь за издаваемую книгу, полагалъ въ ней разобрать природныя условія, исторію отъ возникновенія до современного состоянія (а въ томъ числѣ и надѣланныя ошибки, которыхъ можно хоть сейчасъ поправить — законодателями) и виды на будущее иѣкоторыхъ видовъ нашей промышленности, болѣе или менѣе мнѣ ясныхъ (торговли съ мореходствомъ, земледѣлія со скотоводствомъ, дѣлъ каменноугольнаго, желѣзного, нефтянаго, свинцоваго, мѣднаго, золотого, прядильно-ткацкаго, химическаго и машиностроительнаго), но, начавъ уже кое что обрабатывать, оставилъ эту мысль. Причинъ двѣ, обѣ чисто личныя. Во-первыхъ, времени и силъ у меня ужъ очень мало, а говорить надо обстоятельно и, во-вторыхъ, книга вышла бы велика и чрезчуръ специализирована. Если силъ и средствъ хватить, полагаю издать отдельно, теперь же посыпшаю заключить уже начатое. Въ мои годы задумывать впередь — поздновато.

уменьшение результата и въ числѣ тѣхъ ошибокъ важнейшія относятся къ недостаточности частной нашей предпримчивости и къ великому пристрастію нашихъ законодателей и администраторовъ до „казенного интереса“ минуты, забывая общіе интересы „блага народнаго“, не могущаго осуществляться помимо развитія промышленной предпримчивости. Мне на моемъ вѣку пришлось, кроме нефтяного дѣла, особо много вникать въ желѣзное, каменно-угольное и химическое наши производства, вникать на живомъ дѣлѣ, начиная съ азовъ, т. с. съ природнаго сырья, до концовъ, т. е. до возможности развитія иностраннаго сбыта и съ нимъ тѣсно связанныхъ цѣнъ. Общий выводъ вездѣ былъ тотъ же самый: мы можемъ, коли хорошо сумѣемъ, да хорошо захотимъ, довести стоимость до такой низкой, какой нигдѣ въ мірѣ, гдѣ ни бывалъ, а изъѣздить я много, достичь нельзя, стоить только умножить добычу, производство и торговую оборотливость, которая сумѣетъ избытки втиснуть въ тѣсноту умножающагося всемірнаго спроса. Въ томъ, что стались съ нефтянымъ нашимъ дѣломъ, міровой ростъ котораго я предвидѣлъ въ 60-хъ годахъ, видно, что это не одни „профессорскія мечтанія“ (стр. 31), а есть тутъ и основанія твердыя, изъ живой русской природы взятыя, для чего желающіе найдутъ немало доказательствъ по отношению къ желѣзному дѣлу въ моей книжкѣ: „Уральская желѣзная промышленность“ (1900 года). А тѣмъ, кто мнѣ скажетъ, что предпримчивость не умножается и не рождается въ странѣ, лишеннай известной суммы гражданскихъ правъ, отвѣчу, во-первыхъ, что я стою за развитіе этихъ правъ, только въ постепеновскомъ стилѣ, во - вторыхъ, что гражданскихъ права—для развитія предпримчивости давно и теперь есть въ Россіи довольно, коли предпримчивость давно успѣла ввозъ, ну хоть сахара и керосина, довести до вывоза, въ третьихъ, что только съ развитіемъ промышленной предпримчивости народный достатокъ можетъ прибывать, а потому все прочее не столь существенно, сравнительно съ этимъ, и должно быть сю то минуту поставлено на вторую очередь при какомъ либо желаніи пособить „благу народному“ и, въ четвертыхъ, что бы кто ни говорилъ, все же сравненіе циfръ общаго средняго достатка въ 40 рублей для Россіи съ 450 рублями для С. А. С. Штатовъ иначе не

можетъ опредѣляться и поправляться какъ ростомъ промышленной предпримчивости, что ею опредѣлились и всѣ виды „свободъ“ во всемъ мірѣ и что она не можетъ расти, какъ сї должно, пока „дворянскія“ наши привычки не перестанутъ выставлять ее въ гадкомъ видѣ, да влечь нашу интеллигенцію къ политиканству, какъ влекли до сихъ поръ къ казенной службѣ. Промышленная предпримчивость тѣмъ и взяла въ мірѣ верхъ, что, служа эгоизму (только не всегда и не вездѣ), въ то же время, служить и благу общему, да пе въ какихъ либо отдаленныхъ абстрактахъ, а въ реальныхъ цифрахъ среднихъ заработкахъ. Повинкните только въ числа, собранныя въ главѣ IV-й.

Пусть промышленная предпримчивость сложна и условна, все-же ея начала кроются въ чистомъ трудолюбіи, потому что только трудолюбецъ отъ добра добра искать станетъ, такъ какъ ни съ чѣмъ ничего затѣвать нельзя, а въ промышленность предпринимаемую надо вложить добро нажитое и много рисковать. А у насъ и поговорка такая готова, что „отъ добра добра не ищутъ“, которая безопасность оправдываетъ въ кориѣ, и сенсацію такую ужъ Третьяковскій сочинилъ: „блаженъ, кто малымъ доволенъ“, а кое кто чуть не въ догматъ возвель. Конечно, мнѣнія — вольное дѣло, но дѣйствительность идетъ по пути, на которомъ отъ добра ишутъ еще большаго, да безъ конца. Причина этой кажущейся ненасытности кроется въ томъ, что на свѣтѣ нѣть и не будетъ равенства (а быть то оно бывало, какъ есть, хоть и несовершенное — у животныхъ), да въ томъ, что основою неравенства въ человѣчествѣ давно стала въ сущности трудъ, хотя есть еще много пережившихъ время остатковъ старой неправды, трудъ считающей зломъ. Знаю, что останусь неяснымъ, но отъ уясненія отрицаюсь, потому что томы, да утопіи при этомъ неизбѣжны, а мнѣ хочется остаться краткимъ и реалистомъ, хотя и желательно закрѣпить на бумагѣ мысли, въ головѣ застѣвшія. Простая, чисто реальная наблюдательность привела меня къ тому, чтобы видѣть у насъ, особенно же у нашей современной интеллигенціи, не только не любовь къ труду, т. е. стремленіе къничегонедѣланію, но и своего рода презрѣнію къ труду. Перечислять и доказывать — противно, но не сознавать и того гаже. Дикарь, какъ звѣрь, хоть про себя работать долженъ,

по инстинкту самосохранения, а про трудъ, т. е. работу на спрѣсъ другихъ, не слыхивалъ. А все-то „благо народное“, какъ и всѣ достатки современности, опредѣляются, только суммою трудовъ, и проще или нагляднѣе всего это выражается въ томъ, что цѣнность уже главной массы потребнаго опредѣляется исключительно количествомъ затраченного труда, чего опять я не желаю здѣсь доказывать, такъ какъ желающіе найдутъ доказательства не у меня одного. Напомнивъ опять, что пишу не трактать, а только изложеніе своихъ завѣтныхъ мыслей, годами накопившихся отъ наблюдений и размышлений, скажу для ясности, что, по мнѣ, не только нѣтъ безъ явно усиленнаго трудолюбія ни талантовъ, ни геніевъ, но что безъ него никакія улучшенія правительственноаго строя и никакія права и обязанности, закономъ закрѣпляемыя, ничего сдѣлать для приведенія Россіи къ уровню Запада—не въ силахъ. Затѣмъ скажу, что къ трудолюбію привести можетъ только школа, въ которой наука (а отнюдь не что либо подобное простому „развитію“, а тѣмъ паче политиканству) стоить на должной высотѣ, и учащіе трудолюбіемъ, дѣйствительно и явно для учащихся, проникнуты, а въ высшихъ школахъ прилагаются это трудолюбіе ни къ чему иному, какъ къ наукѣ. Не трудящіеся ученики—чистая безсмыслица, а не привыкшіе къ постоянному труду учителя не могутъ быть подходящими. Наконецъ, скажу еще, что успѣхи разныхъ отраслей промышленности въ корнѣ опредѣляются исключительно трудолюбіемъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ онѣ дальше отъ простой первичности и механической работы.

Въ конечномъ выводѣ какъ предшествующія соображенія, такъ и вся моя эта книга сводятся къ тому, чтобы убѣдить въ необходимости широкаго роста русской промышленности, если есть мысль о „благѣ народномъ“ и желаніе довести нашу страну до уровня болѣе высокаго, чѣмъ современный. Дѣло это общее всѣхъ настѣ и только чрезъ это посредство оно входитъ и войти можетъ въ кругъ дѣлъ правительственноыхъ. Интеллигентныя забастовки, уличные беспорядки и всякие виды и формы занятнаго, но бесполезнаго времяпрепровожденія, понятнаго только какъ отдыхъ, тутъ ни на волосъ не помогутъ, а только, того гляди, составятъ своего рода отклоненіе отъ единственнаго правильнаго пути, по которому

намъ идти слѣдуетъ, потому что какъ ни важно моральное развитіе личности, все же надо кормиться и внѣшнимъ образомъ жить и впередъ идти, безъ чего и мораль не предохранитъ отъ опускания. Мировая трагедія на томъ и основана, что духовное, внутреннее и личное не существуютъ сами по себѣ безъ материального, внѣшняго и общественнаго, и сими послѣдними въ такой же мѣрѣ опредѣляются, какъ и обратно, съ тѣмъ явнымъ ограниченіемъ, что материально-внѣшнее, чтобы ни говорили Платоны и всякие иные мудрецы, возникаетъ раньше, начальнѣе и назойливѣе духовно-внутренняго (даже личное „я“ не мыслимо безъ общенія, начинаемаго различіемъ половъ и стадностью¹), а потому и

¹) Для того, чтобы сдѣлать очевидной нѣкоторую давность мыслей, сюда относящихся, перепечатываю здѣсь мою статью, помѣщенную въ ноябрѣ 1877 г. въ журнальѣ, издававшемся моимъ другомъ Н. П. Вагнеронъ. Статья эта единственная, помѣщенная мною подъ псевдонимомъ „Д. Поповъ“. Избѣжалъ я своей подпись въ этомъ случаѣ только потому, что въ тѣ времена считалось неудобнымъ профессору патуралистику вмѣшиваться въ вопросы болѣе или менѣе философско-соціального характера, да еще съ чисто популярной стороны. Озаглавлена эта статья: „Объ единицѣ“, и далѣе она воспроизводится цѣликомъ вся.

„Въ № 6 этого журнала г. Аленицынъ доказываетъ, что въ природѣ нѣть нуля, что это фикція. Указать это полезно для иныхъ. Однако, если идея можно приписать существованію, если слово отвѣчаетъ существующему и если всякое слово есть уже отвлеченіе, то слово и идея, или такое отвлеченіе, которое называется нулемъ, существуетъ въ сознаніи. А потому говорить о нулѣ значитъ говорить не о природѣ, а объ идеѣ, отвлеченіи, обобщеніи. Другое дѣло—единица. Она кажется не только идею, но и реальностью. Ее считаютъ такою, изъ нея слагаютъ, она альфа и омега философа, пишущаго Я большими буквами, она начало творенія, ею кончается дробленіе, въ ней весь смыслъ индивидуализма, словомъ, она-то несомнѣнно существуетъ. Не правда ли? А между тѣмъ, единица—просто даже не мысляна въ природѣ. Единицы мѣръ, вѣса, времени, въ наукахъ употребляемыя, заѣдомъ условны. Ихъ нѣть, они придуманы нами самими, то-есть фиктивны. Земля и та не единица. Есть и другія земли—планеты. Солнцевъ такъ много, какъ звѣздъ, они все такія же, какъ солнце, и если солнце не имѣть общеупотребительного множественнаго числа, то это зависитъ только отъ того, что языкъ слагался тогда, когда вѣрилось въ единичность больше, чѣмъ слѣдуетъ и, попробуйте, вѣдь вы можете сказать: солнцы, солнцевъ, солнцами и т. д. Звучать эти слова, правда, не хорошо, но только потому, что идея о множествѣ міровъ и солнцевъ еще не приросла къ намъ, выучена, не сама родилась въ

удовлетворяемо должно быть первѣе всего. Въ войнахъ это и бросается прежде всего въ глаза.

насъ, внушена долгимъ путемъ изученія, а главное потому что мы выросли на понятіи объ единицѣ, учишися считать съ единицѣ, даже думаемъ единицами. Зато намъ поставлять, когда-то, современемъ, не больше, какъ единицу за успѣхи, хоть за прилежаніе и поведеніе готовы будуть поставить высокій балль. Бѣда на свѣтѣ водится, по крайнему моему разумѣнію, отъ того, что мы очень уже увѣрены въ существованіи единицѣ и забываемъ или не знаемъ, что въ природѣ единица невозможна и, мало того, единица въ природѣ даже немыслима. Нуль мыслимъ, а единица—нѣтъ. Посмотрите и сообразите. Мыслимъ ли одинъ, ну хоть, баранъ. Да нѣтъ же. Одинъ умреть и не станетъ барана и станетъ нуль и останется вѣчно нуль. И кто имѣеть уши услышить, и зрячій увидитъ, и умный пойметъ, что одинъ человѣкъ, что одинъ баронъ, очень близокъ къ нулю. Двоє—мужчина и женщина,—тѣ мыслимы въ природѣ, какъ начало рода, какъ зачатокъ общенія, развитія, сознанія, самосознанія, обособленія, а одинъ или одна или единица — даже до понятія о чёмъ либо не дойдутъ. За каждымъ изъ насъ, около всякаго, послѣ каждого, вмѣстѣ съ каждымъ, въ каждомъ словѣ, звуке, понятіи, — во всемъ, во всемъ такъ и разить совокупностью, массою единицѣ, общностью. Индивидуализмъ, эта язва нашей образованности, есть созрѣвшій и даже загнивающій плодъ понятія объ единицѣ, существующей самостоятельно въ природѣ. Отъ этого плода, когда стніетъ, останется, однако, надо думать, сѣмя, оно дастъ новое, пышное развитіе. Я царь природы, это мое, я сознаю себя, я буду жить, я стану творить, я буду блаженствоватъ, я нашель... это все понятія, слова и мысли, опирающіяся на твердую увѣренность въ единицу. Все это не додумано и перестроится, измѣнится съ вѣками, стушуется въ мысляхъ. Такъ измѣнилось уже многое съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Гомеръ, даже Виргилій. „Да ты не царь природы, скажутъ намъ,— а если царствуешь, то только потому, что получилъ и пользуешься наслѣдіемъ предковъ твоихъ, потому что сложился въ семью, въ общество, въ государство. Самъ — одинъ ты, просто рабъ природы. Твое индивидуально-зоологическое, животное, и все твое человѣчное и все чѣмъ хвалишься—все то, вѣдь, отъ другихъ, съ другими — не одному тебѣ, не личное, а общее. Поймешь и перестанешь хвастаться за одного себя“. „Да это не твое, а данное тебѣ кѣмъ-то. Такъ правый рукавъ не собственность правой руки, а всего человѣка, шерсть отъ овцы, нить отъ прядильщика, ткань — ткача, шовъ отъ портного — дѣло и собственность не одного, а многихъ, многихъ“. „Ты сознаешь себя, скажутъ намъ когданибудь,—только потому, что твоя мысль развилась отъ отца и матери, сестеръ и братьевъ, учителей и товарищей, словомъ, отъ того, что ты не единица въ природѣ, а часть цѣлаго, клѣтка въ крупномъ организмѣ“. „И твое хваленое Я также безсмысленно, какъ была безсмысленна похвальба твоей руки, что она рисуетъ или пишетъ, что рукавъ ея“. Такъ скажутъ, когда уразумѣютъ, что единицы въ природѣ нѣтъ. И тогда настанетъ но-

Какая же может быть роль правительства въ дѣлахъ промышленности, по существу опредѣляемыхъ личными побуждѣ-

вос, тогда надѣть индивидуализмъ, тогда славянская общинная идея замѣнить современную идею объ единицѣ и дѣло пойдетъ подальше теперешняго. Наступутъ, вправду, новые вѣка и въ мысляхъ и въ дѣлахъ, въ вѣрованіяхъ и народныхъ судьбахъ. И, не бойтесь, вздорного будетъ меныше, ни древняя идея государства, ни новѣйшая, свободная единица, не прошадутъ, и мѣрѣ будетъ лучше, потому, что будетъ больше правды и толку. Съ вѣками дѣло жизни усложняется, потому что узнаютъ больше и ладное — сохраняютъ, приспособляютъ сознательно или безсознательно.

Въ природѣ нѣтъ нуля, а единица въ природѣ немыслима, хотя кажется, и существуетъ. И нуль, и единица — слова, идеи. Воспринимая отъ другихъ слово — потому что въ началѣ всегда было и будеть слово, мы сперва понимаемъ его, какъ отвѣчающее чему-то реальному, единичному. А оно никогда этого характера не имѣть. Слово есть уже обобщеніе. Слово — лошадь есть не эта — одна и не та — другая лошадь, а общее, отвлеченнѣе попятіе. Слово единица есть также отвлеченіе, и притомъ отвлеченіе высшаго порядка, чѣмъ то, которое связано со словомъ лошадь. Мы не можемъ сказать ничего, ни одного слова, не имѣдая нѣ отвлеченіе, и вотъ отвлеченіе объ единицѣ, какъ о чѣмъ-то существующемъ въ природѣ, есть именно такое же отвлеченіе, такая же фикція, какъ и понятіе о нуле. Разности нѣть. И то и другое отвлеченіе неизбѣжны, законны, полезны, мысль становится въ словѣ осозаемою, живою, плодотворною. Думаютъ даже словами — иначе рѣдко бываетъ. Но пусть въ началѣ будеть только слово, какъ что-то реальное, въ концѣ должна быть вѣрна, ему отвѣчающая идея, какъ что-то общее, иначе слово — звукъ пустой. Идея единицы только тогда и будеть вѣрна, когда уразумѣмъ, что она такая же въ природѣ малозначущая штука, какъ и самый нуль, что единица ничто сама по себѣ, что она только изобрѣтеніе нашего ума, подобнос тому, къ которому прибѣгаютъ въ геометріи, представляя себѣ кривую состоящую изъ совокупности прямыхъ. Единицу мало понимали до сихъ поръ, ею увлекались, изъ за частей не видѣли цѣлаго и пришла пора сознаться въ томъ, что мы, каждый, считали себя значущими единицами, а въ сущности каждый изъ насъ самъ по себѣ нуль. Еще ступеню встанемъ выше и тогда единица будеть высшаго порядка — семья, общество, государство, человѣчество. И на этихъ ступеняхъ наша жизнь построится лучше и мы станемъ искать блаженства не личнаго, наслажденія не единичнаго, добра не спутаемъ съ наслажденіемъ, станемъ понимать себя не большие, какъ микроскопическую клѣтку въ цѣломъ организмѣ. Такъ воззышаюсь дойдемъ, начавши отъ условныхъ нуля и единицы, до безусловной безконечности. Путь мысли той также — ни больше, ни меныше, — яснѣ и простѣ, неизбѣженъ и полезенъ, какъ и тотъ путь идеи, по которому все видимое слагается изъ недѣлимыхъ атомовъ, все живое изъ клѣтокъ, какъ первыхъ и простѣйшихъ единицъ, до

ніями? По мнѣ—та роль весьма важна и должна состоять въ разумномъ содѣйствіи, въ предвидѣніи и въ прямомъ матеріальномъ участіи при добычѣ капиталовъ, для промышленности совершенно необходимыхъ. Объясню послѣднее примѣромъ освобожденія крестьянъ, тѣмъ болѣе, что въ благости этого акта правительства не сомнѣваются даже архискептики и архипессимисты. Выкупъ земель при освобожденіи крестьянъ былъ дѣломъ такой исторической справедливости, о которой и говорить не надобно, потому что безъ земли — оставить миллионы людей было просто немыслимо. А для выкупа земли, какъ основного орудія сельско-хозяйственной промышленности, необходимъ громадный капиталъ, а онъ есть одинъ изъ плодовъ труда (не одной работы личной, а труда для другихъ). Предвидя его умноженіе послѣ освобожденія крестьянъ, правительство дало его своимъ кредитомъ и разложило на „выкупные платежи“. Если получилось, въ концѣ концовъ, не столько добрыхъ плодовъ, сколько въ правѣ было ожидать правительство, то причину тому должно искать никакъ не въ очень нуждающемся крестьянствѣ, которое несомнѣнно трудъ свой умножило и выкупы платило, а въ помѣщикахъ, капиталъ получившихъ, такъ какъ они, взятые въ массѣ, лодырничать не перестали, а напротивъ того лодырничество усилили и доставшіеся капиталы къ умноженію промышленности не приложили, а просто на просто прожили, даже перехватили и кругомъ задолжались. Тутъ видно съ ясностью, что недостатки большой доли нашей интелли-

которыхъ добрался современный глазъ. Только самый низшій организмъ есть единичная клѣтка. И какъ въ ней всѣ отправленія спутаны, такъ спутанными останутся наши, пока мы не разберемся съ понятіемъ объ общественномъ организмѣ, перестанемъ быть индивидуалистами, сознаемъ, что мы единицы низшаго порядка. А то мы возмечтали, что все условно и относительно, только наше философское Я безусловно, первично и существуетъ. Сказать надо правду: въ идеѣ наша личная сущность, не то, что какая другая, рѣзко различна отъ нуля и никоимъ образомъ ему не равна, въ дѣйствительной же природѣ, въ мысли свободной отъ условныхъ формъ и словъ,—это Я индивидуалистовъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ нуль,

Идея нуля, по мнѣ, была безвредна, а понятіе объ единицѣ — надѣлало много худого. Ихъ смыслъ въ природѣ будетъ ясенъ только тогда, когда они станутъ въ сознаніи рядомъ съ идеей о бесконечности. Если въ природѣ признать единицу, нельзя отрицаться ни отъ нуля, ни отъ бесконечности.

генции могутъ поправляться только съ измала, ученіемъ, школой. Надо, однако, выяснить не только смыслъ „добычи капиталовъ“, но и „разумнаго содѣйствія“ и „предвидѣнія“ правительства въ дѣлѣ промышленности, чтобы дальнѣйшее стало понятнымъ и само собою выступило. Возьму опять примѣры изъ нашего же прошлаго. Разумное промышленное содѣйствіе оказано было въ свое время явнѣе всего въ нефтяномъ дѣлѣ, хорошо мнѣ лично известномъ, для показанія чего достаточно только хоть перечислить: прекращеніе монопольныхъ откуповъ на бакинскую нефть, продажу нефтяныхъ участковъ въ частныя руки съ торговъ, проведеніе закавказской желѣзной дороги, давшей выходъ избыткамъ продуктовъ за границу и т. п. ¹⁾). Тутъ и предвидѣнія много, но его еще больше въ систематическомъ, умѣренномъ протекціонизмѣ всѣмъ видамъ промышленности, оказанномъ преимущественно Миротворцемъ Императоромъ Александромъ III-мъ, наперекоръ тѣмъ фритрерамъ, какихъ у насъ въ администраціи и въ интеллигенціи и по сей часъ цѣлая уйма, и для которыхъ неубѣдительны факты дѣйствительности и примѣры, собранные въ москвѣ сочиненіи „Толковый Тарифъ“, такъ какъ ихъ неубѣждаетъ даже и то, что стальныя балки, стоявшія у насъ въ 1891 году выше 3 рублей за пудъ, чрезъ 10 лѣтъ можно уже было имѣть ниже двухъ рублей съ провозомъ въ Петербургъ, и ни то, что въ 1888 году чугуна добыто въ Россіи 4 милл. пудовъ, а въ 1898 г. $13\frac{1}{2}$ милл. пудовъ. Быстрота достижениія Россіею части желаемыхъ результатовъ въ отдѣльныхъ примѣрахъ просто поразительна и убѣждаетъ въ томъ, что почва для посѣва готова, надо только пахать, да засѣвать, а то бурьяномъ зарастетъ и обработка будетъ затруднительнѣе. Но что же дѣлать-то надо еще, коли и такъ есть результаты, да еще поразительные? Охъ, дѣлать надо еще очень много и результаты поразительны лишь относительно или въ процентѣ къ давно отжившему, а не въ пропорціи къ богатствамъ природнымъ и къ количеству народа, много болтающагося, болѣе всего по тому, что дѣлъ-то или, ближе, заработковъ нѣтъ, никто объ

¹⁾ Если бы перечислить, да выяснить дальнѣйшую порчу дѣла, произведенную правительственными же мѣрами, то судьбы нашего нефтяного дѣла много бы выяснились, но какъ я сказаль ранѣе, это отлагается мною до другого случая. Всего не подѣлать.

этомъ и не думаетъ и все только кивають на одно сельское хозяйство. Для отвѣта болѣе обстоятельного перечислю то, что считаю тутъ наиболѣе важнымъ для общаго движенія всей промышленности. Однако и тутъ всемѣрно постараюсь быть краткимъ, чтобы закончить эту, и безъ того черезчуръ удлинившуюся, послѣднюю главу, публиковать которую спѣшить заставляютъ многіе изъ тѣхъ немногихъ, кого занимаетъ теченіе моихъ завѣтныхъ мыслей и ихъ отношеніе къ правительственнымъ мѣропріятіямъ.

Прежде всего необходимо перемѣнить и сдѣлать всему свѣту очевиднымъ уголъ зреіня правительства на всѣ дѣла промышленныя, а то они очень у насъ оказенены, какъ видно даже изъ того, что сельское хозяйство и горная промышленность соединялись съ государственными имуществами, а другіе виды промышленности и торговля—съ финансами. И въ этомъ не простая случайность, а своя историческая послѣдовательность ясно сказывается, потому что не очень давно добыча металловъ была государевою регаліей, подобной чеканкѣ монеты, а на промышленность и торговлю смотрѣли въ правительственныхъ сферахъ исключительно, какъ на объекты обложенія. Взгляды и отношенія давно измѣнились, но пока промышленность не будетъ совершенно объединена и обособлена въ одномъ или нѣсколькихъ особыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, устарѣлое отношеніе нѣтъ, нѣтъ да и окажется, а народу все будетъ казаться, что правительство относится къ интересамъ промышленности не иначе, какъ къ интересамъ казначейства. Какъ заглавіе книги, самое название учрежденій должно быть продумано и отвѣтить содержимому. Минѣ кажется, что сосредоточивъ дѣла всѣхъ видовъ промышленности въ одномъ министерствѣ и назвавъ его „Министерствомъ Содѣйствія народной промышленности“, выкинули бы такой новый и яркій флагъ, что много сердецъ повеселѣло бы. Сокращая можно оставить—министерство содѣйствія промышленности или министерство народной промышленности; все же будетъ думаться, что тутъ свѣжимъ вѣтъ, не новыми поборами, а новою подмогою. Минѣ кажется при томъ, что не слѣдуетъ выдѣлять въ особое министерство содѣйствіе земледѣлію и вообще сельскому хозяйству, чтобы народу стало наконецъ яснымъ, что нѣтъ у земледѣлія никакихъ рѣзкихъ отличій отъ иныхъ видовъ

промышленности, что все они теперь одинаково нужные кормилы народные, что все они заботу Царскую и общенародную составляют. Конечно, какъ въ историческомъ, такъ и въ техническомъ отношеніяхъ много есть разности между земледѣлемъ, скотоводствомъ, видами охоты, горными дѣлами, заводскими, ремесленными, фабричными, банками, перевозкой, подрядами, издательствомъ, мореходствомъ, торговлей и т. п. видами промышленности, но связей и переходовъ конца нѣтъ, а потому лучше все это связать въ одномъ вѣдомствѣ, и только внутри его формально подраздѣлять. Само собою разумѣется, что не въ названіи и не въ формальностяхъ подраздѣленій выразится сущность отношенія правительства къ дѣлу промышленности. Сущность въ заботѣ и содѣйствіи—совершенно точно такъ, какъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Связь съ земствомъ и дружное ему содѣйствіе не въ сборѣ налоговъ, а въ организаціи снабженія народа земледѣльческими и всякими иными орудіями труда, въ устройствѣ образцовыхъ хозяйствъ, въ помощи кустарямъ, въ переселеніи, въ снабженіи всякими товарами, въ сбытѣ продуктовъ, въ улучшениіи, а гдѣ надо или желательно и въ организаціи или передѣлкѣ, общиннаго, артельнаго и всякаго кооперативнаго хозяйства и въ цѣлой уймѣ подобныхъ дѣлъ. Тогда народъ пойметъ скоро, что новое учрежденіе другъ, а не новая помѣха. А если музеями, начиная съ центральныхъ до мѣстныхъ и разѣзжающихъ, подобныхъ тѣмъ, какіе уже кой въ чёмъ начаты, развѣдками, особенно геологическими и торговыми, издательствомъ практическихъ руководствъ, гдѣ надо лекціями, прямо техническими совѣтами, пособіями въ сношеніяхъ и цѣлою массою подобныхъ видовъ помощи посодѣйствовать всякимъ видамъ промышленности, интересующимъ разные классы жителей, то признаніе пользы нового учрежденія станетъ возрастать быстро. Здѣсь, какъ и въ дѣлѣ просвѣщенія, и какъ по существу всюду, направленіе измѣненій зависить не только отъ законодательныхъ указаній и постановленій, но очень много отъ подбора исполнителей. Ихъ надо не только подготовлять, но и разыскивать. Не вся же наша интеллигенція такова, какою показываютъ себя разные забастовщики, бомбардиры и бойкотиры, есть не мало и добрыхъ, и труда не боящихся, а его ищущихъ, только они молчатъ и прячутся,

въ черную толпу крикуновъ не вмѣшиваются. Отыскивать ихъ можно, и опытъ, проба скоро ихъ выкажутъ. Дѣло въ закваскѣ, въ началѣ, въ руководительствѣ и въ средствахъ, которая будуть даны въ распоряженіе хорошо подобраннымъ руководителямъ. Имѣя на глазахъ маленькой опытъ, при организаціи вывѣрки мѣръ и вѣсовъ въ разныхъ частяхъ страны, я говорю предшествующее не зря, а по современной дѣйствительности: людей, охотно, разумно и съ любовью исполняющихъ дѣло, народу явно полезное, чистое и благожелательное, всегда при охотѣ, да при соотвѣтственныхъ средствахъ—найти можно въ желаемомъ количествѣ, а если просвѣщеніе не застрынетъ, какъ теперь — по завѣтамъ гр. Л. А. Толстого,— ожидать временно и возможно, прибывать такого народа будетъ многое множество, а изъ нихъ легко выбирать, только не по выслугѣ лѣтъ и не по внѣшнимъ признакамъ, должностныхъ руководителей. Начала бы только легли здоровыя, а тамъ „сама пойдетъ“, потому что какъ тяжесть дѣйствуетъ вездѣ, непрерывна и неудержима охота народа покормиться и разжиться, для чего промышленность и службу свою служить.

Но невольно спросишь, да откуда же взять на все это средства? Вѣдь они необходимы не только для организаціи учрежденія, содѣйствующаго промышленности, съ вѣтвями по всей Матушкѣ Россіи, но и для реального содѣйствія частной промышленной иниціативѣ, особенно кооперативной, какую я съ своей стороны считаю наиболѣе у насть, по примеру артелей, обѣщающую содѣйствовать „общему благу*. Минѣ, какъ кому угодно, кажется яснымъ, что за этимъ, т. е. за добычею средствъ для быстраго промышленного роста Россіи, остановки не можетъ быть, даже помимо миллиарднаго народнаго вклада въ сберегательныхъ кассахъ, собравшагося въ послѣдній десятокъ лѣтъ.

Тутъ то, въ отысканіи средствъ на промышленность, болѣе всего и необходимо правительственное предвидѣніе, о которомъ упоминалъ ранѣе. Читайте цифры—увидите сами, что предвидѣть легко оплату промышленныхъ затратъ самою же промышленностью. На стр. 180 показано, что къ 1890—1900 гг. въ С. А. С. Штатахъ израсходовано (безъ погашеній) почти 16 миллиардовъ рублей основного капитала на передѣлочные (фабрично-заводско-ремесленные) промыслы,

а въ годъ на нихъ получено товаровъ болѣе чѣмъ на 21 $\frac{1}{2}$ миллиардъ рублей. Оплатить процентъ интереса и погашеніе основныхъ затратъ, очевидно, есть изъ чего. Не много-глаголя, прямо должно видѣть, что промышленность сама себя содержать и содержать будетъ тѣмъ легче, чѣмъ больше станетъ кооперативною, на складчинѣ, на союзѣ, на артельномъ началѣ основанною. На промышленныя дѣла Россіи какой угодно заемъ правительство сдѣлать можетъ и, если распорядится умненько, можетъ быть даже и въ „казенномъ интересѣ“ выгодно, если не сию минуту, то ужъ очень скоро, поскорѣе, напримѣръ, чѣмъ при займахъ на желѣзныя дороги. Избѣгнется тогда и прямое участіе „иностранныхъ капиталовъ“, которые ужъ вовсе и не такъ страшны, какъ ихъ малютъ, благодаря тому отношенію къ промышленности (стр. 318 — 322), которое у насъ еще, увы, господствуетъ, но свой вѣкъ почти отживаетъ и тотчасъ помертвѣетъ, коли выкинется знамя „Министерства содѣйствія народной промышленности“. Да и цѣлаго миллиарда рублей занимать за границей тутъ не зачѣмъ, довольно, пожалуй, будетъ и половины; „сама пойдетъ“, коли дружно за лямки возьмутся. Это потому, что самъ народъ дастъ на это дѣло средства, коли увидить его дѣльность, такъ какъ ссудныя свидѣтельства—подъ залоги конечно, и только отчасти—по довѣрію—особаго „эмиссионнаго“, чисто промышленного банка, для того назначенаго, будетъ покупать, какъ покупались выкупныя свидѣтельства, понимая, что „промышленныя свидѣтельства“ мало чѣмъ уступятъ обычнымъ закладнымъ листамъ. А коли проценты по „промышленнымъ свидѣтельствамъ“ будутъ чуть чуть выше обычныхъ, да съ ихъ дивидендовъ не будетъ 5% казеннаго сбора, да коли начинающимъ промышленное обзаводство, особенно же кооперативное, даны будутъ, въ виду передового ихъ значенія для возвышенія средняго народнаго достатка, особыя льготы, сбавки и отсрочки, то дѣло пойдетъ, должно полагать, ходко. Только при всемъ этомъ понимать надо подъ промышленностію не одни чисто капиталистическія фабрично- заводскія дѣла, но и всю торговлю, весь близкій къ землѣ трудъ, всю кустарную мелочь, всю народную изобрѣтательную предпріимчивость. Начинать надо не только устройствомъ правительственного содѣйствія всякаго рода, но и передѣлкою многихъ законовъ, особенно

относящихся къ открытю фабрикъ и заводовъ явочнымъ порядкомъ, къ фабрично-заводской инспекціи, къ продажѣ казенныхъ земель и заводовъ и ко многому иному, явно сюда соприкасающемуся. Не зачѣмъ мнѣ все это вступно и перечислять, если Государственная Дума, Канцлеръ и новый Министръ Народной Промышленности проникнутся желаніемъ и волею поднять „народное благо“ при помощи не только духовнаго подъема народнаго, но и чисто материальнаго, въ промышленности взятой и цѣломъ выражавшагося. Тогда нельзя будетъ обойтись безъ роста многихъ видовъ свободы, хотя легко можно обойтись безъ забастовокъ и всякихъ обычныхъ видовъ уличнаго политика. Свобода для труда (а не: отъ труда) составляетъ великое благо. Для тѣхъ, кто труда и долга не ставить на должную высоту, кто ихъ обязательность мало понимаетъ и не высоко цѣнитъ, для тѣхъ свободы рановата и только лодырничество увеличитъ. Россія, взятая въ цѣломъ, думается мнѣ, доросла до требованія свободы, но не иной, какъ соединенной съ трудомъ и выполнениемъ долга. Виды и формы свободы узаконить легко прямо статьями, а надо еще не мало поработать мозгами въ Государственной Думѣ, чтобы законами поощрить трудъ и вызвать порывы долга передъ Родиной.

Тутъ конецъ моихъ завѣтныхъ, чисто постепеновскихъ, мыслей, относящихся къ правительенному строю. Надо его подправлять, а не начинать, потому что не только фундаментъ, но и капитальная стѣны и балки въ немъ прочности много большей, чѣмъ кажется по взгляду на облупившуюся штукатурку, на покривившіеся полы и на потускнѣвшія стекла. Крыша уже больно плоха, ее лучше съизнова перекрыть, хоть отчасти изъ старого же материала, да по новой обрѣшоткѣ. Когда въ домѣ живуть, крупную его ремонтировку неизбѣжно начинать надо съ кровли. Такую кровлю въ правительенномъ строѣ составляютъ народное просвѣщеніе и промышленность. За нихъ и надо взяться всѣми силами и не отлагая, а то не поль, а самыя балки гнить начнутъ. Дѣло просвѣщенія очевидно плохо, коли учиться товарищамъ классическая зрѣлость запрещаетъ,

объявивъ забастовку, коли съ этимъ еще кокетничаютъ, коли — вѣдь слышишь и видиши — на первой лекціи въ первомъ курсѣ студентамъ съ каѳедры сообщаютъ, что теперь-де доказано, что простыхъ тѣль нѣтъ и что всѣ они оказались сложными, забывъ, что слушатели-то ничего еще о простыхъ тѣлахъ не слыхали, коли начинающимъ излагаютъ не начала наукъ, а только такія части предметовъ, которыхъ составляютъ лишь отдѣлку, подробность, желая доказать воочію справедливость давняго стиха:

Что ему книжка послѣдняя скажеть,
То на душѣ его сверху и ляжетъ,

сказанного про время Рудиныхъ. Поправлять эти дѣла просвѣщенія нельзя иначе, какъ воспитавъ новыхъ учителей, т. е. устроивъ какъ можно поскорѣе, да все хорошенъко обдумавъ, Педагогическій Институтъ нормальный да много и другихъ, потому что спросъ на просвѣщеніе не только уже имѣется, но и растетъ, и того гляди всѣ, отъ мала до велика, начнутъ понимать, что все здоровое, которымъ еще кой какъ держится наше обученіе, составляетъ лишь слабые остатки и пережитки отъ изведенного гр. Д. А. Толстымъ, и все по его шаблону „свободы университетскаго преподаванія“ возникшее и сложившееся, кроме развѣ счастливыхъ исключений, ничего не даетъ ни просвѣщенію страны, ни ея усилѣхъ, приобрѣтая содеряніе болѣе всего изъ фельетоновъ текущей литературы. О нашей промышленности говорить ужъ и не стоить, коли не можетъ она построить нужные Россіи корабли, коли вся она даетъ товаровъ въ годъ всего рублей на 20—30 на душу, а въ С. А. С. Штатахъ на 300—400 руб.

Вотъ онѣ дѣвѣ первѣйшія надобности Россіи: 1) поправить, хоть довести бы сперва до бывшаго еще передъ Д. А. Толстымъ, т. е. лѣтъ 25-ть тому назадъ, состоянія, просвѣщеніе русскаго юношества, а потомъ идти все впередъ, помня, что, безъ своей передовой дѣятельной науки, своего ничего не будетъ и что въ ней беззаконный, любовный корень трудолюбія, такъ какъ въ наукѣ-то безъ великихъ трудовъ сдѣлать ровно ничего нельзя¹⁾, и 2) содѣйствовать всякими

¹⁾ Говорю это, проживъ цѣлыс поль-вѣка въ научныхъ областяхъ, зная кучу трудолюбцевъ ученыхъ и наблюдалъ много и внимательно. Тутъ у меня не то что завѣтная мысль, а прямехонько простая правда очевидности.

способами, начиная отъ займовъ, быстрому росту всей нашей промышленности до торгово-мореходной включительно, чтобы ростъ средній достатокъ жителей, потому что промышленность не только накормить, но и дастъ разжиться трудолюбцамъ всѣхъ разрядовъ и классовъ, а лодырей принизить до того, что самимъ имъ будетъ гадко лодырничать, пріучить къ порядку во всемъ, дастъ богатство народу и новые силы государству. Во всемъ иномъ еще кое какъ подождать можно, хотя самъ то я болѣе не за поджиданіе, а только за постепеновство, но тутъ ни минуты ждать нельзя, потому что оба тѣ дѣла скоропалительно, указомъ да приказомъ, сдѣлать нельзя, хотя безъ нихъ начаться и они не могутъ. Въ этой неизбѣжной медленности двухъ указанныхъ важнѣйшихъ дѣлъ — латинцамъ совершенно невѣдомыхъ еще — причина появленія постепеновщины, за которую я слѣдую. Не въ личномъ характерѣ тутъ дѣло, а въ существѣ, въ томъ пониманіи природы, которое самое поднятіе горъ и самые вулканы стремится объяснить медленно текущимъ и непреоборимымъ накопленіемъ маленькихъ на первый взглядъ вліяній. По мнѣ, было время пользы и отъ революціонныхъ передрягъ, пока просвѣщеніе и промышленность не стали въ числѣ верховныхъ правительственныхъ отношеній, пока греко-латынишина служила знаменемъ „возрожденія“, пока судомъ, да войнами ограничивались высшія задачи правительствъ. А теперь, когда просвѣщеніе и промышленность стали во главу правительственныхъ функций, когда даже военные усиѣхи и пораженія связываются съ развитіемъ просвѣщенія и промышленности, а они составляютъ дѣла, совершенно чуждыя очень быстрого теченія или скачковъ (каковы, напримѣръ, сраженія въ дѣлѣ военному, приговоры суда и т. п.), теперь роль и значеніе революцій прошли и одно постепеновство будетъ брать верхъ. Мнѣ думается, что такъ было и съ землей; сперва дѣйствовалъ сильнѣйшимъ образомъ революціонный вулканизмъ, а потомъ постепенно стали брать верхъ эволюціонныя силы водѣ свойственные и внутреннія перемѣны въ сложеніи горныхъ породъ, т. е. силы на взглядъ маленькия, да слабенькия, а въ сущности только медленно дѣйствующія. Конечно и понынѣ вулканизмъ даетъ о себѣ знать, что не пропалъ, но общая сумма перемѣнъ, отъ него происходящихъ, ничтожна мала сравнительно съ тѣмъ, что дѣ-

лаютъ постепеновскія силы природы. Такъ, по мнѣ, есть, но сравнительно мала уже нынѣ роль всякихъ революціонныхъ передрягъ, будуть ли онѣ въ видѣ приказовъ и указовъ или въ формѣ революцій и пронунціаментовъ, а главныя перемѣны всѣ съ постепеновско-эволюціоннымъ характеромъ, а между ними просвѣщеніе и промышленность стоять нынѣ на первомъ мѣстѣ. Признавая, что свобода, въ ея основахъ, много пріобрѣла отъ революцій, утверждаю, что только развитіе просвѣщенія и промышленности ее развило, развиваетъ и развивать будетъ, отъ тираній предохранить, незыблемою поставить и права съ обязанностями уравновѣсить. Согласенъ, что въ этомъ моемъ опредѣлѣніи течения „новѣйшей исторіи“ есть своего рода предвзятость, идеализмъ, пожалуй даже утопизмъ, что судьбы исторіи человѣчества еще темнѣе судебнъ земныхъ формъ, еще не охвачены разумомъ, а потому гадать далеко впередъ и вообще—рискованно. Но по отношенію къ Россіи, да въ настоящемъ ея положеніи, сама очевидность дѣйствительности говоритъ за то, что состояніе просвѣщенія и промышленности опредѣляютъ и ближайшее и отдаленное ся будущее, требуютъ перваго общенародного и правительственного вниманія, составляютъ настоятельнѣйшія надобности. Государственная Дума съ нихъ должна начинать и только тогда она покажетъ разумъ народа, сго голосъ выразить.

27 сентября 1905 г.

Послѣдовіе.

Для конца книги написалъ краткую главу о міровоззрѣнїи, конечно, лишь о своемъ личномъ, дающемъ мнѣ возможность оставаться постепеновцемъ при всемъ стремленіи къ признанію неизбѣжнаго превосходства надо всѣмъ, а потому и торжества, — разумнаго труда въ его разнообразнѣйшихъ приложеніяхъ къ общей вышней пользѣ и ко внутреннему благу — тоже общему, и лишь въ томъ числѣ — личному. Написалъ, но не печатаю, потому что изложеніе показалось мнѣ недостаточно полнымъ, требующимъ многихъ выясненій, а мѣстами впадающимъ въ критику и отчасти раскрывающимъ то, что лучше оставлять про себя. Хочется-то мнѣ выразить завѣтнѣйшую мысль о нераздѣльности и сочетанности такихъ отдельныхъ граней познанія, каковы:

вещество, сила и духъ;
инстинктъ, разумъ и воля;
свобода, трудъ и долгъ.

Послѣдній должно признать по отношенію къ семьѣ, родинѣ и человѣчеству, а высшее сознаніе всего этого выраженнымъ въ религіи, искусствѣ и наукѣ. Выкиньте одно изъ каждой троицы — будетъ лишь анализъ безъ полнаго синтеза, получится неустойчивая и слашавая шаткость, а въ образовавшуюся пустоту, того гляди, либо проникнетъ отчаяніе, либо ворвется какой-то вздоръ, не выдерживающей первичной критики. Быть можетъ, когда нибудь и попробую передѣлать написанное, но только не въ переживаемое нами время. Теперь лишь образы, подобные Донъ-Кихоту, могутъ сколько-нибудь вліятельно дѣйствовать, только смѣхъ сквозь слезы, только отрицательная, хотя и снисходительно-брюз-

гливая жалость. А такъ писать не могу и не умѣю. Картины люблю, даже по своему ихъ понимаю, но учиться писать ихъ мнѣ поздно. Поэтому просто кончаю, сожалѣя о томъ, что пообѣщалъ то, чего выполнить теперь не въ силахъ. Нашему брату постепеновцу молчаніе вѣдь привычно, а теперь оно хоть не въ модѣ, да кстати, и отвѣчаетъ несомнѣнному русскому большинству, съ которымъ оставаться желаю.

4 октября 1905 г.

Манифестъ (17 октября 1905 г.) Доброго, Великодушнаго Царя даровалъ уже народу всѣ виды свободы и объединеніе Правительства. Отвѣтимъ на свободу усиленными трудами и твердостію воли, направленными разумно на благо Родины.

Д. Менделѣевъ.

18 октября 1905 г.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН-
Предисловие	8
Глава I. Вступление	5
Глава II. Народонаселение	35
Глава III. Внешняя торговля	95
Глава IV. Фабрики и заводы	142
Глава V. По поводу японской войны	205
Глава VI. Объ образованій, преимущественно высшемъ	237
Глава VII. О подготовкѣ учителей и профессоровъ	291
Глава VIII. Промышленность	317
Глава IX. Желательное, для блага Россіи, устройство Прави- тельства	341
Послѣ словіе	426

(Печатаніе окончено 19-го октября 1905 г.).

Тираж 50 экземпляров.

Каждый экземпляр книги в кожаном переплете
имеет свой уникальный номер.

Представленный экземпляр № _____.

Издание подготовлено к печати издательством «Альфарет».
Россия, 197342, Санкт-Петербург, ул. Белоостровская, д. 22
Тел./факс +7 (812) 449-21-46
Тел./факс +7 (812) 449-21-47
info@alfaret.ru
www.alfaret.ru

Отпечатано в типографии «Printissa»
Россия, 197342, Санкт-Петербург, ул. Белоостровская, д. 22
Тел. +7 (812) 449-23-90
www.printissa.ru